

Гейл Форман

ВСЕГО ОДИН ДЕНЬ
+ ЛИШЬ ОДНА НОЧЬ

Впервые
под одной
обложкой

Всего один день

Гейл Форман

**Всего один день. Лишь
одна ночь (сборник)**

«ЭКСМО»

2013, 2014

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Форман Г.

Всего один день. Лишь одна ночь (сборник) / Г. Форман —
«Эксмо», 2013, 2014 — (Всего один день)

ISBN 978-5-699-94167-4

Впервые под одной обложкой сразу два произведения талантливой и любимой читателями Гейл Форман – долгожданная новинка «Лишь одна ночь» и мировой бестселлер «Всего один день». Путешествия никогда не привлекали Эллисон. Но все когда-нибудь меняется, и вот она уже собирает чемоданы и отправляется в Лондон – город, в котором ей предстоит встретить свою любовь. Уиллем поражает Эллисон своей добротой и упорством. Он мечтает стать профессиональным актером и играть в пьесах Шекспира. Пара проводит восхитительный и полный приключений день в Лондоне, пока однажды утром Уиллем бесследно не исчезает. Исчезает, чтобы снова вернуться. Вот только сколько влюбленным суждено будет провести вместе: день, месяц, год или... всего одну ночь?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-94167-4

© Форман Г., 2013, 2014
© Эксмо, 2013, 2014

Содержание

Всего один день	6
Часть первая	7
Один	7
Два	14
Три	20
Четыре	25
Пять	29
Шесть	33
Семь	38
Восемь	44
Девять	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Гейл Форман

Всего один день. Лишь одна ночь

© Ю. Федорова, перевод на русский язык, 2017

© И. Рапопорт, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Всего один день

Тамаре, моей сестре, попутчице и подруге – которая, кстати, один раз отправилась в путешествие и в результате вышла замуж за своего голландца.

Мир – театр;
В нем женщины, мужчины, все – актеры;
У каждого есть вход и выход свой,
И человек один и тот же роли
Различные играет в пьесе...

Уильям Шекспир, «Как вам это понравится»¹

¹ Пер. П. Вейнберга.

Часть первая Один день

Один

Август

Стратфорт-на-Эйвоне, Англия

А что, если Шекспир был не прав?

«Быть или не быть: вот в чем вопрос». Это слова из известнейшего монолога Гамлета – а может, и самого Шекспира. В позапрошлом году мне пришлось выучить его наизусть, до сих пор помню все слово в слово. Тогда, правда, я особо не задумывалась над его смыслом. Мне было важно лишь поточнее вызубрить текст и получить пятерку. Но что, если Шекспир – ну и Гамлет тоже – задавали себе не тот вопрос? Что, если на самом деле важно решить не *быть* ли вообще, а *как* быть?

Я уж и не знаю, задала ли бы я себе этот вопрос – *как* быть? – если бы не *Гамлет*. Может, я бы так и осталась той же Эллисон Хили, которой была и раньше. Делала бы только то, что должна делать, то есть, в моем случае, пошла бы на «Гамлета».

– Боже, какое пекло. Я думала, в Англии не бывает такой жары. – Мелани, моя подруга, собирает в узел свои светлые локоны и обмахивает вспотевшую шею. – А пускать когда начнут?

Я смотрю на мисс Фоули, которую Мелани, да и почти вся остальная группа, за спиной зовут «наша бесстрашная предводительница». Но она разговаривает с Тоддом, который учится в колледже на историческом и официально является нашим вторым руководителем в этой поездке; она, наверное, отчитывает его за что-то. В брошюре с названием «Молодежные туры! Культурная фантасмагория», которую родители вручили мне два месяца назад на выпускной, старшекурсников вроде Тодда называли консультантами-историковедами, которые должны были обеспечивать «образовательную ценность» этих самых «Молодежных туров». Но пока Тодд обеспечивает нам лишь регулярное похмелье, поскольку почти каждый вечер выводит всех куда-нибудь выпить. Я уверена, что сегодня все будут отрываться с усиленной мощью. Ведь это наша последняя остановка – в Стратфорте-на-Эйвоне, городе, дышащем «Культурой»! Под ней, похоже, подразумевается безмерное количество пабов, названных в честь Шекспира, куда ходит молодежь в ослепительно белых кедах.

На мисс Фоули сегодня тоже белоснежные кеды, тщательно отутюженные синие джинсы и футболка с лого «Молодежных туров». Иногда, по ночам, когда все уходит гулять по городу, она брюзжит, что нужно бы донести на него начальству. Но, видимо, так ни разу этого и не сделала. Думаю, отчасти из-за того, что, когда его отчитывают, Тодд начинает заигрывать. Даже с мисс Фоули. Особенно с мисс Фоули.

– Вроде бы начало в семь, – отвечаю я Мелани. Смотрю на часы, еще один подарок, полученный на выпускной: они полностью золотые с гравировкой «В путь». Я ощущаю их тяжесть на потном запястье. – А сейчас половина.

– Да уж, любят же бриташки в очередь выстроиться, как на парад. Или как там говорят. Поучились бы у итальянцев и собирались бы толпой. Или лучше бы итальянцы поучились у бриташек. – Мелани одергивает свою мини-юбку – юбку-пояс, как она сама ее называет, – и поправляет обтягивающий топик. – Бог мой, Рим. Как будто уже год прошел с тех пор.

Рим, когда это действительно было? Шесть дней назад? Или шестнадцать? Воспоминания о Европе остались расплывчатые: аэропорты, автобусы, старинные дома, меню «все по одной цене» с курятиной под разнообразными соусами. Когда родители осчастливили меня на выпускной таким грандиозным подарком, ехать мне как-то не особо хотелось. Но мама заверила меня, что навела справки. О «Молодежных турах» были очень хорошие отзывы, в особенности по поводу их качественной образовательной составляющей и того, сколько внимания уделяется ученикам. Я буду под присмотром. «Одну тебя ни на минуту не оставят», – пообещали родители. И, естественно, Мелани тоже ехала со мной.

И они оказались правы. Да, мисс Фоули все клянут на чем свет стоит, поскольку она не сводит с нас своего недремлющего ока, но я благодарна ей за то, что она всегда нас пересчитывает. Рада даже, что она не приветствует ночные вылазки в бары, хотя почти всем нам по европейским законам уже можно употреблять алкоголь. Впрочем, никто тут об этом, похоже, особо не беспокоится.

Я по барам не хожу. Обычно вместо этого я возвращаюсь в наш с Мелани номер в отеле и смотрю телик. Почти всегда можно найти какой-нибудь американский фильм из тех, что мы смотрели вместе по выходным дома, купив заранее побольше попкорна.

– Я тут зажарюсь, – стонет Мелани. – Все еще как в полдень.

Я смотрю на небо. Палит солнце, летят облака. Мне нравится, что они несутся быстро и ничто не преграждает им путь. По небу видно, что Англия находится на острове.

– Зато хоть не ливень, как в день нашего приезда.

– У тебя нет резинки? – спрашивает Мелани. – Да наверняка нет. Не сомневаюсь, ты теперь в восторге от своей прически.

Моя рука невольно тянется к шее – я до сих пор не привыкну к тому, что она так открыта. Первым городом в программе тура был Лондон, на второй день после обеда нам выделили несколько часов на шопинг (полагаю, это тоже считается культурным мероприятием). И Мелани убедила меня отрезать волосы. Это было частью ее плана по «обновлению» перед колледжем, которым она поделилась со мной в самолете: «Там никто не будет знать, что мы прошли все углубленные курсы. Мы ведь такие красотки, никто и не подумает, что мы с тобой отличницы, к тому же в колледже все ребята будут умные. А мы с тобой – *и* умные, *и* классные. Эти понятия перестанут быть взаимоисключающими».

По всей видимости, для Мелани это обновление заключалось в том, чтобы заменить весь свой гардероб на сплошное мини, ради чего она истратила половину выданных ей в поездку денег в «Топшопе», а также сократить свое имя до «Мел» – о чем я все время забываю, сколько бы она ни пинала меня под столом. Мое же обновление, наверное, подразумевало ту стрижку, на которую она меня уговорила.

Увидев свое отражение, я просто офигела. Сколько я себя помню, у меня всегда были длинные черные волосы без челки, а из зеркала в парикмахерской на меня посмотрела девушка, абсолютно на меня непохожая. Шел всего второй день нашего путешествия, а у меня уже сосало под ложечкой от тоски по дому. Я мечтала оказаться у себя в комнате, в знакомых стенах цвета персика, в окружении своей коллекции винтажных будильников. Я вообще никак не понимала, как же я уеду в колледж, если даже эта поездка казалась мне столь непереносимой.

Но я привыкла к новой стрижке и почти перестала скучать по дому, а если и не перестала окончательно, то поездка все равно подходит к концу. Завтра почти все сядут в автобус до аэропорта, и самолет унесет их домой. А мы с Мелани поедem на поезде в Лондон, пожа-

вем еще три дня у ее кухни. Она собирается еще раз сходить в тот же салон, где стригли меня, и попросить сделать ей розовую прядку, а еще мы планируем сходить на «Пусть будет так» в Уэст-Энде. А в воскресенье полетим обратно и вскоре разъедемся, чтобы продолжить учебу в колледже – я неподалеку от Бостона, а Мелани в Нью-Йорке.

– Освободите Шекспира!

Я поднимаю глаза. Группа из двенадцати человек ходит вдоль очереди, раздавая неоновые-цветастые флаеры. Сразу видно, что они не американцы – ни на ком нет белых теннисок или шортов с кучей карманов. Они все невозможно высокие и худые и как-то иначе выглядят. Такое ощущение, что даже скелеты у них не такие, как у нас.

– Давайте, – Мелани протягивает руку и принимается обмахиваться флаером, как веером.

– Что там написано? – спрашиваю я, а сама смотрю на этих ребят. Здесь, в полном туристическом Стратфорде-на-Эйвоне, они выделяются как огненные маки на зеленом поле.

Посмотрев на флаер, Мелани морщится.

– «Партизан Уилл»?

К нам подходит девчонка с прядками цвета фуксии, о которых так мечтает Мелани.

– Это Шекспир для народа.

Я рассматриваю флаер. «Партизан Уилл. Шекспир без границ. Шекспир освобожденный. Шекспир задаром. Шекспир для всех».

– Шекспир задаром? – читает вслух Мелани.

– Ага, – отвечает девчонка с волосами цвета фуксии. У нее британский акцент. – А не ради капиталистической прибыли. Именно об этом мечтал бы сам Шекспир.

– Думаешь, он не хотел бы продавать билеты на свои пьесы и зарабатывать на них? – Я не умничать пытаюсь, но вспоминается фильм «Влюбленный Шекспир», там он постоянно был в долгах.

Девчонка закатывает глаза, я начинаю чувствовать себя как-то глупо и опускаю взгляд. Меня накрывает тень, загораживая от палящего солнца. И тут я слышу смех. Я поднимаю глаза. Я не вижу толком стоящего передо мной человека, потому что солнце, еще очень яркое, несмотря на то, что уже вечер, освещает его сзади. Зато я хорошо его слышу.

– Думаю, она права, – соглашается он. – Возможно, быть голодающим художником не так-то уж и романтично, если ты действительно голоден.

Я несколько раз моргаю. Когда глаза привыкают к свету, я понимаю, что парень высокий, может, сантиметров на тридцать выше меня, и худой. Волосы всех оттенков светлого, а карие глаза настолько темные, что кажутся почти черными. Мне приходится задрать голову, чтобы посмотреть ему в лицо, он же наклоняется ко мне.

– Но Шекспир ведь мертв, он в могиле лежит, а не гонорары собирает. А вот мы живые, – он раскидывает руки, словно имеет в виду всю вселенную. – На что идете?

– На «Гамлета», – отвечаю я.

– Ах, на «Гамлета», – у него акцент совсем едва заметен. – Я думаю, что такой вечер на трагедию тратить не стоит. – И смотрит на меня так, будто это был вопрос. А потом улыбается. – Как и не стоит сидеть в четырех стенах. Мы ставим «Двенадцатую ночь». На открытом воздухе. – И вручает мне флаер.

– Мы об этом подумаем, – жеманничает Мелани.

Парень вздергивает костлявое плечо и опускает к нему голову, почти касаясь ухом.

– Как пожелаете, – отвечает он, хотя смотрит на меня. А потом неспешно отходит к своим.

Мелани провожает его взглядом.

– Ого, почему этого нет в программе нашей культурной феерии? Меня как раз такое интересует!

Видя, как они уходят, я вдруг чувствую какое-то странное влечение.

– Вообще-то «Гамлета» я уже видела.

Мелани смотрит на меня, вскинув брови, которые она выщипала до совсем уж узкой полоски.

– И я. Хотя и по телику, но все же...

– Можно сходить и... на это. Ну, там наверняка будет нечто своеобразное. Получим культурный опыт, ведь именно за ним родители отправили нас в эту поездку.

Мелани смеется.

– Поглядите на нее! Совсем испортилась девочка! А как же наша бесстрашная предводительница? Похоже, она опять намылилась нас пересчитывать.

– Ну, тебе же было очень жарко... – начинаю я.

Мелани смотрит на меня и быстро соображает. Она облизывает скривившиеся в ухмылке губы и скашивает глаза.

– А, да. Точно, у меня же солнечный удар, – она поворачивается к Пауле, которая прилетела из Мэна и увлеченно читает путеводитель. – Паула, у меня что-то сильно закружилась голова.

– Очень жарко, – соглашается Паула и с сочувствием кивает. – Тебе надо попить.

– Мне кажется, я могу в обморок упасть. У меня темные пятна перед глазами.

– Не перегибай палку, – шепчу я.

– Не помешает создать прецедент, – также шепотом отвечает мне Мелани, уже получая удовольствие от всей этой затеи. – По-моему, я теряю сознание.

– Мисс Фоули! – кричу я.

Она поднимает глаза со списка, в котором галочками отмечает присутствующих. Когда она с таким взволнованным видом подходит к нам, мне становится стыдно за нашу ложь.

– Кажется, у Мелани, то есть у Мел, солнечный удар.

– Тебе нездоровится? Уже скоро войдем. В театре будет прохладно и хорошо. – Язык мисс Фоули представляет собой странный гибрид британских словечек и среднезападного американского акцента, и над ней все из-за этого смеются, считая ее претенциозной. Но, по-моему, все дело просто в том, что она сама из Мичигана, но много времени проводит в Европе.

– Боюсь, меня может вырвать, – не унимается Мелани. – Очень не хотелось бы, чтобы это случилось в театре.

Лицо мисс Фоули недовольно кривится, но сложно сказать, почему – от мысли, что Мелани сблует в театре, или оттого, что она произнесла слово «*вырвать*» в столь непосредственной близости к «Королевской Шекспировской компании».

– О боже. Наверное, мне лучше отвести тебя в отель.

– Я могу пойти с ней, – предлагаю я.

– Серьезно? Хотя нет. Я не должна на это соглашаться. Ты должна увидеть «Гамлета».

– Да ничего страшного. Я ее доведу.

– Нет! Это моя обязанность. Я не могу взять и вот так вот ее на тебя переложить, – по ее худому лицу можно прочесть весь внутренний конфликт.

– Мисс Фоули, все нормально. Я «Гамлета» уже видела, да и отель тут в двух шагах, всего лишь через площадь перейти.

– Ты серьезно? Это так мило с твоей стороны. Ты не согласишься, но сколько лет я тут работаю, я еще ни разу не видела «Гамлета» Великого Барда в постановке «Королевской Шекспировской компании».

Мелани для пущей убедительности тихонько стонет. Я легонько пихаю ее локтем и улыбаюсь мисс Фоули.

– Тогда вам точно нельзя это пропустить.

Она торжественно кивает, словно мы обсуждаем какие-то важные дела, порядок наследования трона или что-нибудь в том же духе. Потом она берет меня за руку.

– Эллисон, я так рада, что ты с нами. Я буду по тебе скучать. Как жаль, что сейчас немного таких подростков, как ты. Ты такая... – она ненадолго задумывается в поисках нужного слова. – Такая хорошая девочка.

– Спасибо, – на автомате отвечаю я. В душе на ее комплимент ничего не отзывается. Не знаю почему – из-за того, что она других слов не нашла, или из-за того, что я в настоящий момент не такая уж хорошая девочка.

– Хорошая девочка, чтоб тебя, – как только мы отходим от очереди настолько, чтобы можно было прекратить ломать комедию, Мелани начинает смеяться.

– Тихо. Я не люблю притворства.

– Но у тебя чертовски хорошо получается. Если хочешь знать мое мнение, ты могла бы сама стать многообещающей актрисой.

– Не хочу. Ну и где это? – я смотрю на флаер. – Бассейн канала? Что это такое?

Мелани достает телефон, который, в отличие от моего сотового, работает и в Европе, и открывает карту.

– Похоже, бассейн около канала.

Уже через несколько минут мы в порту. Там полно народу, как на карнавале. У берега пришвартованы баржи, с многочисленных лодок продают всякую всячину – от мороженого до картин. Чего тут нет – так это какого-либо театра. Ни сцены. Ни стульев. Даже актеров нет. Я снова смотрю на флаер.

– Может, на мосту? – предполагает Мелани.

Мы возвращаемся к средневековому арочному мосту, но там все то же самое: туда-сюда ходят такие же, как и мы, туристы.

– Они говорили, что это будет сегодня? – спрашивает Мелани.

А я думаю лишь о том парне с такими невозможно темными глазами, он точно сказал, что сегодняшний вечер слишком хорош для трагедии. Но, осмотревшись, я понимаю, что никакого представления тут не планируется. Наверное, это была шутка, они хотели посмеяться над тупыми туристами.

– Давай хоть мороженого купим, чтобы вечер не пропал даром, – предлагаю я.

Мы становимся в очередь и вдруг слышим это – легкое брэнчание акустических гитар и вторящие им бонги. Навострив уши, я поднимаю свой эхолокатор. Потом вижу неподалеку скамейку, забираюсь на нее и осматриваюсь. Не то чтобы магическим образом появилась сцена, зато возле ряда деревьев материализовалась толпа, и довольно большая.

– Думаю, начинается, – говорю я и хватаю Мелани за руку.

– А как же мороженое, – возмущается она.

– Потом, – и тащу ее по направлению к толпе.

– Любовь питают музыкой, – слышу я.

Парень, играющий герцога Орсино, совершенно не похож ни на одного актера, которого я видела в постановках Шекспира, разве что за исключением фильма «Ромео + Джульетта» с Леонардо Ди Каприо. Он высокий, чернокожий, с дредами, одет как глэм-рок-звезда: в обтягивающих виниловых штанах, остроносых туфлях и какой-то майке в сеточку, сквозь которую виден его накачанный торс.

– Да-а, мы сделали правильный выбор, – шепчет мне на ухо Мелани.

Орсино читает вступительный монолог под аккомпанемент гитар и бонгов, и у меня по спине бегут мурашки.

Весь первый акт мы ходим по порту за актерами: они перемещаются, и мы следуем за ними, благодаря чему ощущаем и *себя* частью представления. Может, поэтому все теперь смотрится совсем иначе. Я ведь видела Шекспира и раньше, в школьных постановках, и еще

несколько пьес в Филадельфийском театре Шекспира. Но всегда у меня складывалось такое ощущение, будто я слушаю речь на иностранном языке, который не очень хорошо знаю. Мне приходилось заставлять себя концентрироваться и зачастую по нескольку раз перечитывать программку, словно она могла как-то поспособствовать более глубокому пониманию.

А в этот раз все словно встало на свои места. Как будто бы ухо настроилось на этот странный язык и меня полностью затянуло в сюжет, как бывает, когда я смотрю кино – я прямо чувствую его. Когда Орсино начинает чахнуть по крутой Оливии, у меня скручивает живот от воспоминаний обо всех тех случаях, когда я сама бывала влюблена в парней, которые меня не замечали. Потом Виола оплакивает брата, и я ощущаю ее одиночество. А когда она западает на Орсино, который принимает ее за мужчину, это кажется таким смешным и в то же время трогательным.

Он появляется лишь во втором акте. В роли Себастьяна, брата-близнеца Виолы, которого раньше считали мертвым. Это в некотором смысле справедливо, потому что к тому моменту, как он наконец появляется, я уже начала думать, что его никогда и не было, что я его просто выдумала.

Он бежит через поляну, за ним гонится неизменный Антонио, и мы все несемся за ними. Через какое-то время я собираюсь с духом.

– Давай подойдем поближе, – предлагаю я Мелани. Она хватает меня за руку, и мы оказываемся перед всей толпой зрителей на том месте, где шут Оливии приходит за Себастьяном, они спорят, а потом Себастьян отсылает его. И прямо перед этим, кажется, наши взгляды пересеклись на долю секунды.

Дневная жара смягчается, перетекая в сумерки, и меня все глубже затягивает в иллюзорную реальность Иллирии, мне кажется, что я попала в какой-то причудливый потусторонний мир, где может произойти все, что угодно, где можно менять лица, как туфли. Где воскресают те, кого давно считали мертвыми. Где все живут потом долго и счастливо. Я понимаю, что это избитые фразы, но вечер такой нежный и теплый, листва такая буйная и сочная, стрекочут кузнечики, и складывается ощущение, что в этот раз все действительно может быть именно так.

Пьеса заканчивается слишком быстро. Себастьян воссоединяется с Виолой. Виола признается Орсино, что на самом деле она девушка, и теперь-то, естественно, он хочет на ней жениться. А Оливия понимает, что Себастьян не тот, за кого она его принимала, выходя за него замуж, – но ей все равно, она любит его и такого. Шут читает финальный монолог, снова вступают музыканты. Потом выходят актеры, начинают кланяться, все с какими-то забавными выкрутасами – один делает сальто, другой играет на воображаемой гитаре. А Себастьян, кланясь, осматривает зрителей и останавливает взгляд прямо на мне. Потом его губы расплываются в забавной полуулыбке, он достает из кармана бутафорскую монетку и бросает ее мне. Уже темно, а монетка маленькая, но я все равно ее ловлю, и люди аплодируют, как кажется, теперь и мне тоже.

И я хлопаю с этой монетой в руке. Пока руки болеть не начинают. Хлопаю, как будто могу таким образом продлить этот вечер, могу сделать «Двенадцатую ночь» двадцать четвертой. Хлопаю, чтобы подольше не отпускать это чувство. Хлопаю, потому что знаю, что произойдет, когда я остановлюсь. То же самое, что бывает, когда я выключаю по-настоящему хорошее кино – такое, в котором я полностью растворилась, – я буду выброшена обратно в свою реальность, и в грудь заползет какая-то пустота. Иногда я даже заново пересматриваю фильм, чтобы восстановить это ощущение, будто я являюсь частью чего-то настоящего. Понимаю, что звучит это все глупо.

Но сегодня пересмотреть не удастся. Толпа рассеивается; актеры тоже расходятся. Из труппы осталась лишь пара музыкантов, передающих по кругу шляпу для пожертвований. Я достаю из кошелька десять фунтов.

Мы с Мелани стоим молча.

– Ух, – наконец произносит она.

– Да. Ух, – говорю я в ответ.

– Это было довольно круто. И я ненавижу Шекспира.

Я киваю.

– И это мне только показалось, или тот красавчик, который подходил к нам в очереди, который еще Себастьяна играл, нами заинтересовался?

Нами? Он *мне* монету бросил. Или просто я ее поймала? Может, он заинтересовался белокурой Мелани в обтягивающем топике? Мел 2.0, как она сама себя называет, куда притягательнее Эллисон 1.0.

– Сложно сказать, – отвечаю я.

– А еще он нам монетку бросил! Кстати, круто ты ее поймала. Может, пойдем и найдем их? Затусим с ними, например.

– Они разошлись.

– Да, но эти-то еще тут, – и она указывает на ребят, которые собирают деньги. – У них можно спросить, где они тусуются.

Я качаю головой.

– Сомневаюсь, что они захотят связываться с тупыми американскими тинейджерами.

– Мы не тупые, да и большинство из них вроде и сами еще тинейджеры.

– Нет. К тому же мисс Фоули может к нам зайти. Надо возвращаться в номер.

Мелани закатывает глаза.

– Почему ты всегда так?

– Как?

– Всегда отказываешься. Как будто ты против приключений.

– Я не всегда отказываюсь.

– Девять раз из десяти. Нам скоро в колледж. Давай поживем немного.

– Я много живу, – резко говорю я. – К тому же раньше тебя это не беспокоило.

Мы с Мелани стали лучшими подругами перед началом второго класса, когда ее семья поселилась через два дома от моего. И с тех пор мы все делали вместе: у нас одновременно выпадали зубы, одновременно начались месячные, и даже мальчики у нас появились друг за дружкой. Я начала встречаться с Эваном через несколько недель после того, как она – с Алексом (он был лучшим другом Эвана), хотя они расстались в январе, а мы с Эваном продержались до апреля.

Мы с ней столько времени проводили вместе, даже, можно сказать, разработали свой собственный язык понятных только нам шуток и взглядов. Естественно, мы много ругались. Как она, так и я – единственный ребенок в семье, так что друг другу мы стали как сестры. Однажды мы так сцепились, что разбили лампу. Но такого раньше не было. Я даже не знаю, какого *такого*, но с тех пор, как началась эта поездка, я чувствую себя так, словно проигрываю какой-то конкурс, на который на моей памяти я даже не подписывалась.

– Я пришла сюда сегодня, – говорю я нервно и как бы защищаясь. – Я ради этого обманула мисс Фоули.

– Ну? И нам же было так весело! Почему бы не продолжить?

Я качаю головой.

Порывшись в сумке, она достает телефон и просматривает сообщения.

– «Гамлет» тоже только что закончился. Крейг говорит, что Тодд повел всех в паб «Грязная утка». Название мне нравится. Идем с нами. Будет круто.

На самом деле я однажды пошла с Мелани и остальными, где-то на первой неделе нашего тура. Они к тому времени выходили уже раз третий. И хотя Мелани знала их всего неделю – столько же, сколько и я, – у них появились свои общие шутки, которых не понимала

уже я. Мы тесно сидели за одним столом, и я вцепилась в свой стакан, чувствуя себя как ребенок, которому пришлось сменить школу в середине учебного года.

Я смотрю на часы, которые совсем съехали. Я поднимаю их повыше, чтобы закрыть свое страшное красное родимое пятно.

– Почти одиннадцать, а нам завтра рано вставать, чтобы не опоздать на поезд. Так что если ты не возражаешь, то противница приключений пойдет в свой номер. – Этим раздраженным голосом я напоминаю себе собственную маму.

– Отлично. Я тебя провожу, а потом в паб.

– А если мисс Фоули зайдет проверить?

Мелани смеется.

– Напомни ей, что у меня был солнечный удар. А теперь уже не жарко, – она начинает шагать вверх по склону к мосту. – Ну что такое? Чего-то ждешь?

Я оборачиваюсь и смотрю на воду и на баржи, толпа, которая была здесь вечером, уже начала рассеиваться. День кончается; ничего не вернуть.

– Нет.

Два

Наш поезд до Лондона отправляется в восемь пятнадцать – так решила Мелани, чтобы у нас было побольше времени на шопинг. Но когда в шесть пищит будильник, она накрывает голову подушкой.

– Давай поедem попозже, – стонет подруга.

– Нет. Менять планы уже поздно. В поезде выспишься. К тому же ты все равно обещала в полседьмого спуститься и попрощаться со всеми, а я обещала попрощаться с мисс Фоули.

Я вытаскиваю Мелани из кровати и запикиваю ее в жалкое подобие душа. Завариваю растворимый кофе и несколько минут разговариваю с мамой, которая сидела в Пенсильвании до часу ночи, чтобы позвонить мне. В полседьмого мы плетемcя вниз. Мисс Фоули, одетая, как обычно, в джинсы и футболку с лого «Молодежных туров», пожимает Мелани руку. Потом она заключает меня в костлявые объятия, дает свою визитку и говорит, чтобы я не стеснялась ей звонить, если мне в Лондоне что-нибудь понадобится. Она будет там до воскресенья, когда у нее начнется следующий тур. Потом сообщает, что вызвала нам с Мелани на полвосьмого такси до вокзала, снова спрашивает, встретят ли нас в Лондоне (да, встретят), повторяет, что я хорошая девочка... и предупреждает, что в метро могут обокрасть.

Я позволяю Мелани повалиться еще полчаса, а это значит, что у нее нет времени прихорашиваться, как обычно, а в половине восьмого мы с моей помощью погружаемся в такси. Когда подаю поезд, я затаскиваю в него наши чемоданы и нахожу пару свободных мест. Мелани плюхается на сиденье возле окна.

– Разбуди, когда в Лондон приедем.

Я возмущенно смотрю на нее, но Мелани уже прижалась к окну и закрыла глаза. Я вздыхаю и запикиваю ее сумку ей под ноги и кладу на соседнее сиденье свой кардиган, чтобы отпугнуть воров и похотливых старикашек. А сама иду в вагон-ресторан. Я в отеле не позавтракала, у меня уже начало урчать в животе и стучать в висках. Голова должна была вот-вот разболеться от голода.

Хотя Европу и принято считать землей поездов, мы на них еще не ездили. Большие расстояния мы преодолевали на самолетах, остальные – на автобусах. Когда переходишь из вагона в вагон, с приятным свистом открываются автоматические двери, поезд слегка покачивается. А за окном мелькает зелень.

В вагоне-ресторане я изучаю скудный ассортимент и в итоге беру бутерброд с сыром и чай, а также чипсы с солью и уксусом, к которым я тут пристрастилась. А еще банку колы для

Мелани. Складываю все это в картонную коробочку, собираясь вернуться на свое место, но у окна вдруг откидывается столик. На секунду я заколебалась. Надо же вернуться к подруге. Но, с другой стороны, она спит; ей все равно, так что я сажусь за столик и смотрю в окно. Пейзаж такой исконно английский: все зеленое и аккуратненькое, участки поделены заборчиками, пушистые овечки, похожие на облака, как зеркальное отражение настоящих, которые никогда не покидают небесную гладь.

– Очень странный завтрак.

Этот голос. После четырех вчерашних актов я узнаю его сразу.

Поднимаю глаза, и он – прямо передо мной, с ленивой полуулыбкой, из-за которой создается ощущение, что он только что проснулся.

– Что в нем странного? – спрашиваю я. Вообще, мне следовало бы удивиться, но я почему-то не удивилась. Зато приходится прикусить губу, чтобы не расплыться в улыбке.

Но он не отвечает. Подходит к стойке и заказывает кофе. А потом кивком указывает на мой столик. Я тоже киваю.

– Много чего, – говорит он, усаживаясь напротив меня. – Он как экспатриант после многочасового перелета.

Я осматриваю свой бутерброд, чай и чипсы.

– Это – экспатриант после многочасового перелета? Как ты из *этого* сделал *такой* далекоидущий вывод?

Он дует на кофе.

– Легко. Во-первых, еще девяти утра нет, так что с чаем понятно. Но бутерброд с чипсами? Это едят на обед. А про колу и говорить не буду, – он постукивает по баночке. Видишь, время сбито. Твой завтрак явно долго летел.

Приходится рассмеяться.

– Пончики просто ужасно выглядели, – говорю я, указывая на стойку.

– Это точно. Поэтому я завтрак взял с собой, – он достает из сумки бумажный сверток и принимается разворачивать.

– Постой, это как-то тоже очень похоже на сэндвич, – говорю я.

– На самом деле нет. Это хлеб и хакелслах.

– Хахе... что?

– Ха-хел-слах. – Он поднимает верхний кусочек хлеба и показывает, что внутри. Там масло с шоколадной крошкой.

– И ты говоришь, что мой завтрак странный? А у самого вообще десерт.

– В Голландии это считается завтраком. Вполне стандартным. Либо эвтсмейтер, то есть жареные яйца с ветчиной.

– Этого же в контрольной не будет? Я даже не рискну попробовать это произнести.

– Эвт. Смей. Тер. Попозже можно будет еще потренироваться. Мы как раз подошли ко второй части моего сравнения. Твой завтрак похож на экспатрианта. Давай ешь. Я вполне могу говорить, пока ты жуешь.

– Спасибо. Я рада, что ты такой многозадачный, – я начинаю смеяться. Так странно, все настолько естественно складывается. Похоже, я флиртую за завтраком. И по поводу завтрака. – Что это вообще такое, экспатриант?

– Это человек, который живет не на родине. Видишь, ты заказала сэндвич. Как настоящая американка. И чай, как настоящая англичанка. Но у тебя еще и чипсы, или хрустящий картофель, назови, как хочешь², они популярны и здесь и там, но с солью и уксусом – это по-английски, а то, что ты взяла их на завтрак, – это по-американски. Да еще и кола. Вы в Америке чипсами с колой завтракаете?

² В американском и британском английском картофельные чипсы называются по-разному.

– А как ты вообще понял, что я из Америки? – Я решила бросить ему вызов.

– Помимо того, что ты была в группе американских туристов и говоришь с американским акцентом? – Он откусывает свой хахе-как-его-там и отпивает еще кофе.

А я снова прикусываю губу, чтобы не улыбнуться.

– Точно. Помимо этого.

– На самом деле других подсказок не было. Ты, в общем, на вид не особо на американку похожа.

– Правда? – Я с хлопком открываю пакетик с чипсами, и до меня доносится резкий запах уксуса. Я угощаю его. Он отказывается, снова кусая свой сэндвич.

– А как выглядят американки?

Он пожимает плечами.

– Блондинки. Большие... – он изображает грудь. – Мягкие черты, – машет руками в районе лица. – Симпатичные. Как твоя подружка.

– А я не такая? – не знаю, зачем я это спрашиваю. Я же знаю, как я выгляжу. Темноволосая. Темноглазая. Черты лица острые. Впечатляющих округлостей нет, особенно в районе груди. Я несколько сдуваюсь. Он просто подмазывался ко мне, чтобы приударить за Мелани?

– Нет, – и смотрит на меня пристально этими своими глазами. Вчера они казались мне такими темными, а теперь, когда он сел напротив, я вижу, что в этой тьме танцуют разнообразнейшие цвета – серый, коричневый и даже золотой. – Знаешь, на кого ты похожа? На Луизу Брукс.

Я смотрю на него непонимающе.

– Ты ее не знаешь? Звезду немых фильмов?

Я качаю головой. Я прелести немого кино так и не поняла.

– В двадцатых годах прошлого века она была суперзвездой. Американка. Потрясающая актриса.

– И не блондинка, – я хотела пошутить, но прозвучало не похоже на шутку.

Он снова кусает свой сэндвич. В уголке губ остается шоколадная крошка.

– У нас в Голландии полно блондинок. И когда я смотрю в зеркало – вижу блондина. А Луиза Брукс была брюнеткой. С такими невероятными печальными глазами и выразительными чертами лица. И с прической, как у тебя, – он касается собственных волос, таких же всклокоченных, как и вчера. – Ты очень на нее похожа. Наверное, я буду называть тебя Луизой.

Луиза. Мне нравится.

– Нет, даже не Луизой. Лулу. Такое у нее было прозвище.

Лулу. Так даже лучше.

Он протягивает руку.

– Привет, Лулу. Я – Уиллем.

Рука у него теплая, а пожатие крепкое.

– Приятно познакомиться, Уиллем. Хотя я могла бы называть тебя Себастьяном, если уж мы затеяли эти перевоплощения.

Когда он смеется, вокруг его глаз играют морщинки.

– Нет. Мне Уиллем больше нравится. Себастьян – он какой-то, как это... если задуматься, он слишком пассивен. Он добивается Оливию, которая на самом деле хочет быть с его сестрой. У Шекспира так часто бывает. Женщины получают свое; а мужчины просто оказываются втянуты во все это.

– Не знаю. Я вчера обрадовалась, когда для всех все хорошо кончилось.

– Ну, это милая сказка, вот именно что. Сказка. Я считаю, что Шекспир просто обязан дарить счастливый конец героям своих комедий, потому что в трагедиях он предельно жесток. Ну, возьмем вот «Гамлета» или «Ромео и Джульетту». Это же почти садизм, – он

качает головой. – Себастьян нормальный, просто сам не очень распоряжается собственной жизнью. Эту привилегию Шекспир отдал Виоле.

– Значит, ты своей жизнью распоряжаешься? – спрашиваю я. И опять едва верю, что я это говорю. Когда я была маленькой, я ходила на каток неподалеку. И воображала, будто умею делать вращения и прыжки, но когда выходила на лед, становилось ясно, что я едва держусь на ногах. А когда я повзрослела, точно так же стало и в общении с людьми: я воображала себя самоуверенной и прямолинейной, а все, что я говорила, звучало уступчиво и вежливо. Даже с Эваном, с которым я встречалась полтора года, у меня не получались все эти прыжки и вращения, на которые я считала себя способной. Но сегодня стало ясно, что я, видимо, все же умею кататься на коньках.

– Нет, вовсе нет. Я плыву по течению, – Уиллем задумчиво смолкает. – Может, я и недаром играю именно Себастьяна.

– А куда течение несет тебя сейчас? – интересуюсь я, надеясь, что он будет жить в Лондоне.

– Из Лондона я поеду домой, в Голландию. Вчера сезон моих выступлений закончился. Я сдуваюсь.

– А.

– Ты к своему сэндвичу так и не притронулась. Предупреждаю, в сэндвичи с сыром тут кладут масло. Думаю, даже не настоящее.

– Знаю, – я убираю грустный засохший помидор и излишки масла (или маргарина?) салфеткой.

– С майонезом было бы лучше, – говорит Уиллем.

– Только если с индейкой.

– Нет, сыр с майонезом хорошо сочетается.

– Звучит ужасно.

– Это только если ты ни разу не пробовала правильного майонеза. Я слышал, что в Америке какой-то не тот используют.

Я так хохочу, что из носа чай брызжет.

– Что? – спрашивает Уиллем. – Что такое?

– Правильный майонез, – говорю я в перерыве между приступами удушающего смеха. – Можно подумать, что есть, скажем, майонез, который, как плохая девчонка, распушен и вороват, а есть правильный, который ведет себя чинно и благородно. Моя беда в том, что меня с правильным майонезом не познакомили.

– Совершенно верно, – соглашается он. И тоже начинает смеяться.

И пока мы хохочем, в вагон-ресторан вваливается Мелани – со своими вещами и моим свитером.

– Я едва тебя нашла, – мрачно сообщает она.

– Ты же велела разбудить тебя в Лондоне, – я смотрю в окно. Красивые английские пейзажи сменились уродливыми серыми пригородами.

Когда Мелани видит Уиллема, у нее глаза на лоб лезут.

– Ты, значит, не потонул, – говорит она.

– Нет, – отвечает он ей, глядя на меня. – Не злись на Лулу. Это я виноват. Я ее задержал.

– Лулу?

– Да, это сокращенно от «Луиза». Это мое новое альтер-эго, Мел. – Я смотрю на нее, умоляя взглядом не выдавать меня. Мне нравится быть Лулу. Я еще не готова с ней разотжестись.

Мелани трет глаза, может, думает, что она еще спит. Потом пожимает плечами и плюхается рядом с Уиллемом.

– Отлично. Будь кем захочешь. А мне бы хотелось себе голову сменить.

- Она еще не привыкла к похмельям, – сообщаю я Уиллему.
- Заткнись, – рявкает подруга.
- А что, ты предпочла бы, чтобы я сказала, что с тобой такое постоянно?
- Какая ты сегодня дерзкая, а.
- Вот, – Уиллем достает из рюкзака белую коробочку и кладет Мелани на ладонь несколько белых шариков. – Положи под язык и рассасывай. Вскоре станет лучше.
- Что это такое? – с подозрением спрашивает она.
- Препарат на травах.
- Это не наркотик? Вдруг я отключусь и ты меня изнасилуешь?
- Ага. Он как раз мечтает, чтобы ты прямо в поезде вырубилась, – говорю я. Уиллем показывает Мелани этикетку.
- Моя мама – натуропат. Она дает мне это от головы. Не думаю, чтобы она меня насиловала.
- О, мой папа тоже врач, – отвечаю я. – Хотя совершенно не натуропат. Он пульмонолог, работает строго в традиции западной медицины.
- Мелани около секунды рассматривает горошинки, а потом наконец бросает их под язык. Десять минут спустя, когда поезд, пыхтя, подъезжает к вокзалу, ей становится лучше.
- Как будто договорившись, мы все сходим вместе: мы с Мелани с туго набитыми чемоданами на колесиках, а Уиллем с маленьким рюкзачком. Мы вываливаемся на платформу под палящее летнее солнце, а потом скрываемся в относительной прохладе Мэрилебон-стейшн.
- Вероника пишет, что опаздывает, – говорит Мелани. – Предлагает встретиться у «Дабл-Ю-Эйч-Смит». Фиг знает, что это такое.
- Это книжный магазин, – отвечает Уиллем, показывая на другую сторону здания вокзала.
- Внутри здесь очень красиво, красные кирпичные стены, но я все же разочарована, что это не огромный вокзал с шелестящими табло, извещающими о прибытии и отправлении поездов – я так на это надеялась. А тут лишь монитор. Я направляюсь к нему. Особо экзотических пунктов назначения там нет: Хай-Уиком и Бэнбери, может, конечно, там и хорошо. Так глупо. Вот наш тур по крупным европейским городам – Рим, Флоренция, Прага, Вена, Будапешт, Берлин, Эдинбург – подошел к концу, и я снова оказалась в Лондоне. Большую часть времени я считала дни до возвращения домой. И совершенно непонятно, почему теперь мной внезапно овладела страсть к путешествиям.
- Что с тобой? – интересуется Мелани.
- Да я просто надеялась, что тут будет большое табло, какие мы видели в некоторых аэропортах.
- В Амстердаме на центральном вокзале как раз такой, – говорит Уиллем. – Мне нравится встать перед ним и воображать, что я могу отправиться куда захочу.
- Да! Именно!
- Что такое? – удивляется Мелани, глядя на мониторы. – Бистер-нот тебе не нравится?
- Ну, привлекает как-то меньше, чем Париж, – отвечаю я.
- Да брось. Ты что, все еще из-за этого хандришь? – Мелани поворачивается к Уиллему. – После Рима мы должны были лететь в Париж, но из-за забастовки авиадиспетчеров все рейсы отменили, а на автобусе было слишком далеко. Она все еще никак не успокоится.
- Французы постоянно из-за чего-то бастуют, – соглашается Уиллем, кивая.
- Вместо Парижа нам поставили Будапешт, – добавляю я. – Мне там понравилось, но я все не могу поверить, что, оказавшись так близко к Парижу, я туда не попадаю.
- Уиллем пристально смотрит на меня. Наматывает шнурок от рюкзака на палец.
- Так надо поехать, – заявляет он.
- Куда?

– В Париж.

– Не могу. Отменили же.

– Можно сейчас.

– Тур закончился. Да и все равно они, наверное, еще бастуют.

– Можно на поезде, – он смотрит на большие часы на стене. – Можешь быть там уже к обеду. Там, кстати, и сэндвичи намного лучше.

– Но... но... я не знаю французского. И путеводителя у меня нет. И денег французских. Там же евро, да? – Я так перечисляю все эти причины, как будто именно поэтому не могу ехать, когда на самом деле для меня это то же самое, как если бы Уиллем предложил прокатиться на ракете до Луны. Я знаю, что Европа не особенно уж большая и некоторые люди так делают. Но не я.

Он все еще смотрит на меня, слегка склонив голову.

– Не получится, – заключаю я. – Я же вообще не знаю Парижа.

Уиллем снова смотрит на часы на стене. И через миг поворачивается ко мне.

– Я знаю.

Мое сердце начинает совершать самые невероятные кульбиты, но мой несмолкающий рассудок продолжает выдавать причины, почему это невозможно.

– Не знаю, хватит ли у меня денег. Сколько стоят билеты? – Я лезу в сумочку и пересчитываю наличные. У меня в наличии немного фунтов, которых хватит лишь на выходные, кредитка на экстренный случай и сотня долларов – на самый экстренный случай, если кредитка не будет тут работать. Но сейчас же нет ничего экстренного. А если я воспользуюсь карточкой, родители испугаются.

Уиллем достает из кармана пригоршню денег в самых разных валютах.

– Об этом не беспокойся. У меня было успешное лето.

Я, вытаращив глаза, смотрю на его деньги. Он действительно готов сделать это? Отвезти меня в Париж? Но зачем ему это?

– У нас на завтра билеты на «Пусть будет так», – напоминает Мелани, вставая на сторону голоса разума. – А в воскресенье мы летим домой. Да и мама твоя будет вне себя. Она тебя убьет, я серьезно.

Я смотрю на Уиллема, но он лишь пожимает плечами, он не может отрицать, что это верно.

Я уже собралась сдаться, поблагодарив его за предложение, но вдруг место у руля занимает Лулу – я поворачиваюсь к Мелани и говорю:

– Не убьет, если не узнает.

Мелани фыркает.

– Твоя мама? Она узнает.

– Нет, если ты меня прикроешь.

Мелани не отвечает.

– Прошу тебя. Я же тебя сколько раз за эту поездку прикрывала.

Мелани театрально вздыхает.

– Тогда же речь шла о пабе. А не о совершенно другой стране.

– Ты же сама меня только недавно пилила, что я никогда ничего такого не делаю.

Тут я ее поймала. Мелани меняет курс.

– Как я тебя прикрою, если она мне на телефон звонит и спрашивает тебя? И она будет еще звонить. Ты и сама знаешь.

Мама просто взбесилась из-за того, что мой мобильник тут отключился. Нам пообещали, что сим-карта будет работать, и когда оказалось, что связи нет, она разгневалась и позвонила в компанию, но, видимо, ничего сделать не удалось, что-то вроде того, что частота не та. Но в итоге оказалось, что можно обойтись и без него. У нее была копия нашего марш-

рута, и она знала, когда и в каком отеле меня можно застать, а когда не получалось, звонила на номер Мелани.

– Может, ты его выключишь, и пусть голосовая почта работает? – предлагаю я. Я смотрю на Уиллема, который все так и стоит с пригоршней банкнот в руке. – Ты вообще *уверен*? Я думала, ты в Голландию собирался.

– Я тоже так думал. Но, наверное, течение намерено отправить меня в другую сторону.

Я поворачиваюсь к Мелани. Теперь все зависит от нее. Сощурившись, она смотрит на Уиллема.

– Если ты мою подругу изнасилуешь или убьешь, я тебя прикончу.

Уиллем неодобрительно цокает языком.

– Вы, американцы, только о насилии и думаете. А я голландец. Я в худшем случае на велосипеде ее перееду.

– В обдолбанном состоянии, – добавляет Мелани.

– Ну, есть такое, – признает Уиллем. Потом переводит взгляд на меня, и по моему телу проходит волна дрожи. Неужели я действительно собралась это сделать?

– Ну, Лулу? Что скажешь? Хочешь в Париж? Всего на день?

Это абсолютное безумие. Я этого человека даже не знаю. И меня могут уличить. Да и что там увидишь за один день? К тому же столько шансов, что все пойдет не так. Все это верно. Я понимаю. Но это совершенно никак не влияет на тот факт, что поехать я хочу.

Так что в этот раз я не говорю «нет».

Я соглашаюсь.

Три

«Евростар» – это забрызганный грязью желтый поезд с тупым носом, забираюсь я в него потная и запыхавшаяся. После того как мы попрощались с Мелани, наскоро обсудив планы и место встречи на следующий день, нам с Уиллемом пришлось бежать всю дорогу. Сначала из Мэрилебон. Потом по людным лондонским улицам в метро, где я повздорила с турникетами, которые трижды отказывались открыться передо мной. Потом наконец они меня пропустили, но захлопнулись на моем чемодане, и багажная бирка от него улетела под автомат, продающий билеты.

– Вот теперь я действительно как бомж, – пошутила я.

Когда мы оказались на вокзале Сент-Панкрас, похожем на огромную пещеру, Уиллем показал мне табло – оно зашелестело. Потом мы понеслись в очередь на «Евростар», где он, очаровав кассиршу, смог обменять свой билет домой на билет в Париж, а потом отдал какое-то слишком уж большое количество английских банкнот за мой билет. А после этого мы полетели на регистрацию, показали паспорта. Я на миг забеспокоилась, что Уиллем заглянет в мой, ведь он принадлежит не Лулу, а Эллисон, более того – не просто какой-нибудь там, а пятнадцатилетней прыщавой Эллисон. Но он не стал этого делать, и мы спустились в футуристический зал ожидания – и уже сразу было пора снова подниматься наверх и садиться в поезд.

И только когда мы плюхнулись на свои места, мне удалось перевести дыхание и осознать, что же я наделала. Я еду в Париж. С незнакомым человеком. С *этим* вот парнем.

Делая вид, что занимаюсь чемоданом, я украдкой бросаю на него взгляды. Глядя на его лицо, я вспоминаю такие наряды, подвластные только очень стильным девчонкам: какие-то разносортные одежды, которые сами по себе не сочетаются, но на них смотрятся как единое целое. Черты лица резкие, почти угловатые, но губы мягкие и щеки как румяные пирожки. Он одновременно кажется взрослым и юным; умудренным и нежным. Уиллем не такой хоро-

шенький, как Брент Харпер, который выиграл в нашей школе номинацию «Мистер Выпускник» – что было довольно предсказуемо. Но я все равно не могу отвести от него глаз.

И видимо, не одна я. Вот по проходу идет пара девчонок с рюкзаками, у них темные, подернутые дымкой глаза, в которых читается: «На завтрак у нас секс». Одна из них, проходя мимо нас, улыбается Уиллему и говорит что-то по-французски. Он отвечает – на этом же языке и помогает ей поставить сумку на верхнюю полку. Девчонки садятся через проход в следующем за нашим рядом, та, которая пониже, что-то говорит, и они втроем смеются. Мне хочется поинтересоваться, что она сказала, но я вдруг начинаю чувствовать себя одновременно слишком мелкой и неуместной, как когда тебя сажают за детский стол на День благодарения.

Жаль, что я французского в школе не учила. Я хотела заняться им в начале девятого класса, но родители настояли, чтобы я пошла на китайский.

– Настает век Китая, ты будешь куда более конкурентоспособна, если выучишь язык, – сказала мама. «И за что мне конкурировать?» – подумала я. Но вот я уже четыре года учу китайский и продолжу в колледже.

Я жду, когда Уиллем сядет, но он смотрит на меня, а потом на француженок, которые, уложив свой багаж, пошли куда-то, вращая бедрами.

– Я в поездах всегда чувствую голод. Да и ты свой сэндвич так и не съела, – напоминает он. – Я схожу в кафе за чем-нибудь. Лулу, ты чего хочешь?

Лулу, наверное, выбрала бы что-нибудь экзотическое. Клубнику в шоколаде. Устрицы. Эллисон же из тех, кто питается бутербродами с арахисовым маслом. Я не знаю, чего бы я хотела.

– Что-нибудь на твое усмотрение.

Я провожаю его взглядом. Потом беру из кармашка журнал и читаю какие-то факты о поезде: длина тоннеля под Ла-Маншем – пятьдесят километров. Он открылся в 1994 году, а строился четыре года. Максимальная скорость, набираемая «Евростаром», – триста километров в час. Если бы это была поездка в рамках нашего тура, мисс Фоули скормливала бы нам именно эти банальные факты. Я убираю журнал.

Поезд трогается, но происходит это так мягко, что я лишь замечаю, как поехала платформа. Слышится гудок. За окном на прощание сверкают арки вокзала, а потом мы заезжаем в туннель. Я обвожу взглядом вагон. Все, кажется, рады и чем-то заняты: читают журналы, стучат по клавиатурам ноутбуков, пишут эсэмэски, разговаривают по телефону или со своими спутниками. Я оборачиваюсь назад, но Уиллема еще нет. Француженок тоже.

Тогда я снова беру журнал и читаю обзоры каких-то ресторанов, из которых в голове совершенно ничего не откладывается. Проходит еще несколько минут. Поезд набирает ход, возмущенно проносясь мимо уродливых лондонских складов. Машинист объявляет первую остановку, подходит кондуктор.

– Тут кто-нибудь сидит? – спрашивает он, указывая на пустое место Уиллема.

– Да. – Только вещей нет. И вообще никаких признаков того, что он здесь когда-либо был.

Я смотрю на часы. Десять сорок три. Мы отъехали почти пятнадцать минут назад. Вскоре мы останавливаемся в Эббсфлите, вокзал лохотный и современный. Заходит толпа народу. Возле сиденья Уиллема останавливается мужчина с чемоданчиком, словно собираясь сесть рядом со мной, но, заглянув в билет, идет дальше. Двери издают сигнал, а потом закрываются, и мы мчимся дальше. Город сменяется зеленью. Вдалеке виднеется замок. Поезд жадно пожирает пейзаж; и я воображаю, что за ним остаются кучки земли. Я вцепляюсь в подлокотники, впившись в обивку ногтями, как будто это первый и бесконечный крутой спуск американских горок, после которых волей-неволей попрощаешься с обедом и на

которые так любит таскать меня Мелани. Несмотря на то что всю работу кондиционер, у меня на лбу выступают капельки пота.

Вдруг навстречу нам со свистящим звуком вылетает другой поезд. Я подскакиваю. Через пару секунд он уже позади. Но у меня остается крайне странное ощущение, что на нем умчался Уиллем. Но это невозможно. Ему пришлось бы забежать вперед и на следующей станции пересечь на этот встречный поезд.

Но это не означает, что он есть в этом поезде.

Я смотрю на часы. Он ушел в вагон-ресторан двадцать минут назад. Поезд тогда еще стоял. Может, он сошел с теми девушками до того, как я отъехала. Или на прошлой станции. Может, именно это они ему и сказали: «Бросай эту скучную американку, идем с нами».

Его на этом поезде нет.

Понимание это доходит до меня с таким же свистом, как и встречный поезд. Он передумал. Насчет Парижа. И насчет меня.

Позвать меня туда – это было все равно что необдуманная покупка, когда берешь в магазине какое-нибудь барахло у кассы и, только выйдя за дверь, осознаешь, какую ерунду купил.

Но потом меня осеняет еще одна мысль: а что, если все это часть какого-то крупного плана? Найти самую наивную американочку, заманить ее в поезд, а потом бросить и отправить... даже и не знаю... к головорезам, которые ее похитят? Мама как раз недавно какой-то подобный сюжет записала с канала «20/20». А что, если именно ради *этого* он вчера на меня смотрел, *поэтому* сегодня утром отыскивал меня в поезде? Могла ли ему попасться более легкая добыча? Я довольно часто смотрю программы о дикой природе на «Энимал плэнет» и знаю, что львы всегда выбирают самых слабых газелей.

Хотя, насколько нереальным это может показаться, я на некотором уровне вижу в этом крупицу мрачного утешения. В мире все опять объяснимо. Так, по крайней мере, ясно, как я оказалась на *этом* поезде.

Мне на голову плюхается что-то мягкое и похрустывающее, но я уже в таком напряжении, что сразу подскакиваю. И еще один снаряд. Я хватаю его, и это оказывается пакет чипсов с солью и уксусом «Уокер».

Я поднимаю глаза. На лице у Уиллема виноватая улыбка, как у грабителя банка, а руки полны добычи: сладкая плитка, три стаканчика с разными напитками, бутылка апельсинового сока под мышкой, под другой – банка колы.

– Извини, что заставил ждать. Вагон-ресторан в другом конце, и они открылись только после Сэнт-Панкраса, а к тому времени, как я пришел, уже собралась очередь. Потом я понял, что не знаю, что ты больше любишь – кофе или чай, так что взял и то и другое. Но вспомнил про утреннюю колу и вернулся за ней. А на обратном пути я наткнулся на чокнутого бельгийца и облился кофе, поэтому пришлось еще и в туалет зайти, но, по-моему, стало только хуже, – он ставит два небольших картонных стаканчика и газировку на столик передо мной. А потом показывает на свои джинсы, на которых теперь красуется огромное грязное и мокрое пятно.

Я не из тех, кто смеется надо всякими пошлыми шутками ниже пояса. Когда в прошлом году Джонатан Спалики отпустил подобную остроту на уроке биологии, миссис Губерман пришлось отпустить зашедшийся в истерике класс пораньше, и она прямо поблагодарила меня за то, что я одна повела себя сдержанно.

Так что безудержный хохот – не в моем это духе. Из-за мокрого-то пятна.

Но тем не менее, открыв рот, чтобы сообщить Уиллему, что вообще-то я не люблю газировку и что с утра я купила банку для похмельной Мелани, я взвизгиваю. И когда я слышу собственный смех, как пожар разгорается. Я задыхаюсь от неистового хохота. Зато

теперь есть оправдание слезам страха, которые угрожали пролиться из глаз, и они катятся по щекам.

Уиллем закатывает глаза, а потом смотрит на свои джинсы с таким видом, что «ну да». Потом берет с подноса салфетки.

– До меня и не дошло, насколько все плохо, – он пытается промокнуть джинсы. – От кофе пятно останется?

От этого мои приступы смеха лишь усиливаются. Уиллем криво и терпеливо улыбается. Он достаточно взрослый, чтобы позволить смеяться над собой.

– Извини, – я хватаю ртом воздух. – Я. Больше. Не. Буду. Смеяться. Над. Твоими. Штанами.

Штанами! В лекции о разнице между британским и американским вариациями английского языка мисс Фоули сообщила нам, что штанами англичане называют нижнее белье, а штаны – брюками, и рекомендовала ничего о штанах не говорить, чтобы избежать неловких недоразумений. Объясняя это, она сама покраснела.

Меня скрючивает от смеха. Когда мне удастся распрямиться, я вижу, что возвращается одна из тех француженок. Протискиваясь мимо Уиллема, она касается его руки; и на секунду задерживается. Потом говорит что-то на французском и садится на свое место.

Уиллем на нее даже не смотрит. Он поворачивается ко мне. В его темных глазах светятся знаки вопроса.

– Я подумала, что ты сошел с поезда, – от облегчения у меня мысли вспенились, как шампанское, и признание выскользнуло само собой.

Боже. Я что, действительно это сказала? Смешливость как рукой снимает. Мне страшно просто посмотреть на него. Даже если у него не было желания бросить меня в этом поезде, то теперь я это исправила.

Я чувствую, что Уиллем садится на свое место, собрав всю волю в кулак, я все же бросаю на него взгляд и, к своему удивлению, вижу, что мои слова не вызвали шока или отвращения. А лишь веселую характерную для него улыбку.

Он начинает извлекать из рюкзака всякий фастфуд, достает гнутый багет. Разложив все на подносах, Уиллем смотрит прямо на меня.

– Почему бы я вдруг сошел с поезда? – наконец спрашивает он, шутливо поддразнивая.

Я могла бы соврать. Например, что-то забыл. Или понял, что ему все же надо на родину, а сказать мне не успел. Что-нибудь нелепое, но не выставяющее меня в таком неприглядном свете. Но я не вру.

– Потому что передумал, – я снова жду отвращения, шока, жалости, но ему все еще любопытно, может, он даже уже немного заинтригован. А я вдруг ощущаю неожиданный приход, как будто приняла дозу, разработанную для меня сыворотку правды. И рассказываю ему все остальное. – На какой-то короткий миг я даже подумала, что ты собираешься продать меня как секс-рабыню или что-нибудь типа того.

Я смотрю на Уиллема, надеясь понять, не слишком ли далеко зашла. Но он с улыбкой поглаживает подбородок.

– Как бы я это сделал? – спрашивает он.

– Не знаю. Дал бы что-нибудь, чтобы я сознание потеряла. Что обычно для этого используют? Хлороформ? Льют на платок, прижимают к носу – и человек засыпает.

– Я думаю, так только в кино бывает. Наверное, проще было бы дать тебе наркотик, как предполагала твоя подружка.

– Ты принес мне три напитка, только один из них не распечатан, – я беру баночку с колой. – Я, кстати, ее не пью.

– Значит, мой план провалился, – он театрально вздыхает. – Жаль. На черном рынке за тебя бы хорошо заплатили.

– Как думаешь, сколько я стою? – спрашиваю я, удивляясь, как быстро я начала шутить над собственным страхом.

Уиллем осматривает меня с ног до головы и обратно с головы до ног, оценивая.

– Это будет зависеть от различных факторов.

– Например, каких?

– От возраста. Сколько тебе?

– Восемнадцать.

Он кивает.

– Габариты?

– Рост пять футов пять дюймов. Вес сто пятнадцать фунтов. В метрической системе я не знаю.

– Есть какие-нибудь физические отклонения, шрамы, протезы?

– А это важно?

– Фетишисты. Они платят сверху.

– Нет, ничего такого, – но потом я вспоминаю про родимое пятно, оно уродливое, почти как шрам, поэтому я обычно прячу его под часами. Но в том, чтобы его показать, есть некий тайный соблазн – это как открыть себя. Поэтому я приспускаю часы. – Вот что есть.

Он думает, кивает. Потом, как бы между делом, спрашивает.

– Девственница?

– Это увеличивает цену или уменьшает?

– Зависит от рынка.

– Кажется, ты много об этом знаешь.

– Я вырос в Амстердаме, – говорит он, как будто это объяснение.

– Ну, так сколько я стою?

– Ты не на все вопросы ответила.

Меня охватывает странное ощущение, как будто бы я руками придерживаю пояс на халатике и могу либо затянуть его, либо развязать совсем.

– Нет. Я не. Девственница.

Он кивает и смотрит на меня так, что мне становится беспокойно.

– Уверена, что Борис будет разочарован, – добавляю я.

– Какой Борис?

– Ну, тот украинец, головорез, который делает всю грязную работу. Ты-то всего лишь приманка.

Он смеется, запрокинув голову. У него такая длинная шея. Когда Уиллем распрямляется, чтобы вдохнуть, отвечает:

– Я обычно с болгарками работаю.

– Нет, ты, конечно, можешь прикалываться, сколько хочешь, но по телику и не такое показывали. И я не особо-то тебя знаю.

Он перестает хохотать и смотрит прямо на меня.

– Двадцать. Метр девяносто. Семьдесят пять килограмм – последний раз было. Вот, – он показывает зигзагообразный шрам на ноге. И, глядя мне прямо в глаза, добавляет: – И «нет».

До меня только через минуту доходит, что это были ответы на те же вопросы, что он задавал и мне. И лицо начинает заливать краской.

– К тому же мы вместе завтракали. Обычно я хорошо знаю тех, с кем завтракаю.

Теперь я густо краснею и судорожно пытаюсь придумать какую-нибудь шуточку в ответ. Но не так-то просто остроумничать, когда на тебя вот так смотрят.

– Ты что, правда думала, что я брошу тебя в поезде?

Этот вопрос звучит как-то неожиданно неприятно после всех этих шуток на тему сексуального рабства. Я задумываюсь. Я действительно верила, что он может так поступить?

– Не знаю, – говорю я. – Может, просто запаниковала немного из-за своего импульсивного решения, ведь обычно я так не делаю.

– Ты не сомневаешься? – спрашивает он. – Ты ведь все же поехала.

– Поехала, – повторяю я. Да. Я действительно поехала. Я еду. В Париж. С ним. Я смотрю на Уиллема. По его лицу опять блуждает эта полуулыбка, словно его во мне без конца что-то забавляет. И может, из-за этого, или из-за размеренного покачивания поезда, или из-за того, что через день мы расстанемся навсегда, и я больше никогда его не увижу, или просто если уж приоткрыл дверцу, за которой скрывалась правда, то обратной дороги нет. А может быть, мне просто так захотелось. Но халат мой падает на пол.

– Я думала, что ты сошел с поезда, потому что не могла поверить, что ты вообще в него сел. Со мной. Без какого-то скрытого мотива.

И вот это – правда. Потому что мне, быть может, всего восемнадцать, но мне уже кажется довольно очевидным тот факт, что люди делятся на две группы: те, кто делает, и те, кто смотрит. Люди, с кем что-то происходит, и остальные, кто просто влачит существование. Такие, как Лулу, и такие, как Эллисон.

У меня и в мыслях не было, что, притворившись Лулу, я смогу попасть в другой разряд – хотя бы на день.

Я поворачиваюсь к Уиллему, посмотреть, что он на это скажет, но прежде, чем он успевает ответить, мы въезжаем в тоннель, и поезд погружается во тьму. Согласно прочитанным мной фактоидам меньше чем через двадцать минут мы будем во французском городе Кале, а потом, еще через час, – в Париже. Но прямо сейчас у меня такое чувство, что этот поезд не просто везет меня в Париж, а в какое-то совершенно неведомое мне место.

Четыре

Париж

И сразу же начинаются проблемы. Вход к камерам хранения закрыт; бастуют рабочие, обслуживающие рентгеновские машины, через которые необходимо пропускать чемоданы, прежде чем их сдать. Так что все автоматические ящики, куда мог бы влезть мой чемодан, заняты. Уиллем говорит, что неподалеку есть еще один вокзал и можно попробовать сходить туда, но если это всеобщая забастовка, то там нас ждет та же самая проблема.

– Я могу таскать его с собой. Или бросить в Сену. – Я шучу, хотя в идее избавиться от всего, что принадлежало Эллисон, есть что-то привлекательное.

– У меня тут подруга, работает в ночном клубе, он тут неподалеку... – Уиллем достает из рюкзака потрепанный блокнот в кожаном переплете. Я уже собираюсь пошутить на тему «маленькой черной книжки», но потом вижу, сколько в ней телефонов и мейлов, к тому же он добавляет: – У нее офисная работа, так что после обеда она обычно там. – Тут я понимаю, что это *и есть* маленькая черная книжка³.

Отыскав нужный номер, он достает допотопный мобильник и какое-то время пытается его включить.

– Батарейка села. Твой работает?

Я качаю головой.

³ «Маленькая черная книжка» – фильм Ника Харрана, где главная героиня находит контакты многочисленных подружек своего парня.

– В Европе он оказался непригоден. Разве что как фотик.

– Тогда пройдемся. Тут недалеко.

Мы едем вверх по эскалатору. Перед автоматическими дверями Уиллем поворачивается ко мне и спрашивает:

– Ты готова увидеть Париж?

Из-за всех этих проблем с багажом я уже как-то забыла, что приехала в этот город. Я вдруг начинаю нервничать.

– Надеюсь, – говорю я без уверенности.

Мы выходим из центрального входа и попадаем на раскаленную улицу. Я щурюсь, словно готовясь к слепящему разочарованию. Потому что, честно-то говоря, почти всюду, где мы побывали в рамках этого тура, оказалось как-то не так. Может, я просто слишком много фильмов смотрю. Когда мы ехали в Рим, я рассчитывала на «Римские каникулы», как у Одри Хепберн, но у фонтана Треви была толпа, а у подножия Испанской лестницы построили «Макдоналдс», а в руинах воняло как будто кошачьей мочой – слишком уж много там бомжей. То же самое было и в Праге, от нее я ждала богемной жизни, как в «Невыносимой легкости бытия». Но нет, нам не попалось ни одного восхитительного художника, хоть отдаленно напоминающего молодого Дэниела Дэй-Льюиса. Я увидела лишь одного загадочного парня в кафе, который читал Сартра, но, когда у него зазвонил телефон, он громко заговорил с гнусавым техасским акцентом.

Или вот Лондон. Мы с Мелани в поисках Ноттинг-Хилла⁴ ужасно заблудились в метро, а в итоге нашли лишь модный богатый район, забитый дорожными магазинами. Ни тебе стареньких книжных лавочек, ни милых дружелюбных ребят, к которым захотелось бы сходить на ужин. Казалось, что количество фильмов, в которых я видела какой-либо город, определяло степень моего разочарования. А Париж возникал передо мной на экране чаще любого другого города.

Как я и ожидала, город за дверями Северного вокзала ничем не напоминал Париж с киноэкрана. Ни Эйфелевой башни тебе, ни модных бутиков. Обычная улица с отелями и обменниками, забитая автобусами и такси.

Я осматриваюсь. Бесконечными рядами стоят старые серо-коричневые здания. Одинаковые, они как бы перетекают одно в другое, окна и французские двери распахнуты, много цветов. Прямо перед вокзалом по диагонали расположены два кафе. Не особо крутые, но в обоих полно народу – за каждым стеклянным столиком под тентом и зонтами собралось множество человек. И это кажется одновременно и естественным, и таким ужасно странным.

Мы с Уиллемом начинаем свой путь. Перейдя через дорогу, мы приближаемся к кафе. За каким-то столиком сидит всего одна женщина, она пьет розовое вино и курит сигарету, а у ее ног – маленький пыхтящий бульдог. Когда мы проходим мимо них, собака подскакивает и начинает нюхать у меня под юбкой, опутывая меня поводком.

Женщина эта, наверное, ровесница моей мамы, но на ней короткая юбка и эспадрильи на высоких каблуках, веревочки красиво обтягивают ее стройные ноги. Она ругает собаку и распутывает поводок. Я наклоняюсь, чтобы почесать пса за ушком, а женщина говорит по-французски что-то такое, от чего Уиллем смеется.

– Что она сказала? – спрашиваю я, когда мы отходим.

– Что у ее собаки нюх на красивых девушек, как у трюфельной свиньи.

– Правда? – я краснею от удовольствия. Что на самом деле не очень умно, потому что это был всего лишь пес, да я и не очень знаю, что такое трюфельная свинья.

⁴ «Ноттинг-Хилл» – фильм Роджера Мишелла о любви известной актрисы и простого парня.

Мы с Уиллемом идем дальше, по кварталу с многочисленными секс-шопами и туристическими агентствами, а потом сворачиваем за угол на бульвар с каким-то непроницаемым названием, и я вдруг впервые в жизни осознаю, что бульвар – это французское слово и что все крупные улицы, которые называют бульварами у нас, это лишь дороги с интенсивным движением. А здесь вот настоящий бульвар, река жизни, огромная, широкая, с быстрым течением, с проспектом посередине и изящными деревьями, ветви которых переплетаются у нас над головой, образуя арку.

Когда загорается красный свет, рядом останавливается симпатичный паренек в обтягивающем костюме – он ехал на мопеде в ряду для велосипедистов – и осматривает меня от макушки до пят, пока стоящий за ним мопед не начинает сигнализировать, чтобы он наконец двинулся дальше.

Окей, это уже второй такой случай за пять минут. Ладно, первый раз это был пес, но все равно кажется, что это неспроста. Последние три недели похотливые взгляды ловила только Мелани – благодаря своим белокурым локонам и вызывающему гардеробу – как злобно полагала я. Пару раз я начинала бухтеть, что, мол, в женщине видят только ее тело, но подруга закатывала глаза и говорила, что я ничего не понимаю.

Когда эта легкость охватывает и меня, я думаю, что, может, она и была права. Может, дело не в том, что парни считают тебя сексуальной, а в том, что ты чувствуешь, что город тебя заметил, подмигнул тебе и принял. Это странно, поскольку я думала, что уж где-где, а в Париже я буду совершенно незаметна, но, видимо, это не так. Кажется, что тут я не просто умею кататься на коньках, но могу и буквально претендовать на участие в Олимпиаде!

– Так, заявляю официально: я люблю Париж!

– Быстро ты.

– Сердце сразу чувствует. Он стал моим самым любимым городом на всем свете.

– Да, такое впечатление он произвести умеет.

– Должна добавить, что конкурентов у него практически не было, ведь больше мне в этом туре почти ничего не понравилось.

И вот опять – это просто с языка сорвалось. Видимо, когда у тебя всего один день, ты можешь сказать все, что угодно, ну и говоришь. Поездка была ужасная. Так хорошо наконец признаться в этом кому-то. Родителям я бы не смогла этого сказать, они же уверены, что купили для меня билеты в Путешествие Века. И Мелани не могла – для нее это действительно было Путешествие Века. Но это же правда – последние три недели я только старалась хорошо проводить время, но у меня это никак не получалось.

– Я вот думаю, может, для путешествий нужен талант – это все равно что уметь свистеть или танцевать, – продолжаю я. – У некоторых людей он есть, например вот у тебя вроде бы. Ты давно путешествуешь?

– Два года.

– С перерывами?

Уиллем качает головой.

– Нет. Два года назад я уехал из Голландии.

– Правда? А сегодня собирался вернуться? После этих двух лет?

Он вскидывает руки в воздух.

– Что такое один день после двух лет?

Для него, полагаю, немного. Но для меня это, наверное, означает что-то другое.

– Это подтверждает мои слова. У тебя талант к путешествиям. А я не уверена, что у меня он есть. Я постоянно ото всех слышу, будто они расширяют кругозор. Даже не понимаю, что это значит, но у меня точно ничего не расширилось, потому что я на это просто не способна.

Мы идем по длинному мосту, пересекающему многочисленные железнодорожные пути, и Уиллем почти все время молчит. Тут много граффити. Потом он говорит:

– Путешествовать – это не талант. Ты просто делаешь это. Как дышишь.

– Не думаю. Дышу я прекрасно.

– Уверена? Ты об этом задумывалась?

– Возможно, даже чаще, чем другие. Мой папа пульмонолог. Лечит болезни легких.

– Я имею в виду, думала ли ты, *как* именно ты это делаешь? Днем, ночью, во сне? Когда ешь, когда говоришь.

– Не особо.

– А попробуй.

– Как это – думать о дыхании? – но внезапно у меня получается. Я вовлекаюсь в размышления о том, как я дышу, о механике процесса, о том, как тело помнит об этом, даже когда я сплю, или когда плачу, или когда икаю. А что будет, если оно почему-то вдруг забудет? Естественно, дыхание от этого становится несколько затрудненным, словно я иду в гору, хотя на самом деле мы уже спускаемся по мосту.

– Да уж, странно.

– Видишь? – говорит Уиллем. – Ты слишком усердно думала. И то же самое с путешествиями. Нельзя из-за них слишком напрягаться, а то будет все равно что работа. Надо отдаться хаосу. Всяким случайным происшествиям.

– То есть стоит, например, броситься под автобус, и тогда будет весело?

Уиллем фыркает.

– Я имел в виду не такие происшествия. А всякие мелочи, которые сами происходят. Иногда они совсем незначительные, а иногда меняют все.

– Звучит, как девиз джедая. Ты не мог бы сказать точнее?

– Парень подбирает девчонку, которая путешествует автостопом по далекой стране. Через год у нее кончаются деньги, и она появляется на пороге его дома. Через полгода они женятся. Вот такие происшествия.

– Ты что, женился на автостопщице?

Его губы изгибаются в улыбке, как натянутый парус.

– Это лишь пример.

– Расскажи настоящий.

– А откуда ты знаешь, что это не настоящий? – поддразнивает Уиллем. – Ладно, вот это действительно произошло со мной. В прошлом году в Берлине я опоздал на свой поезд до Бухареста и вместо этого поймал попутку до Словакии. Это была машина ребят из театральной труппы, один из них накануне сломал ногу, и они искали ему замену. И за шесть часов, что мы ехали до Братиславы, я выучил его роль. Я остался с ними, пока у него не срослась кость, а потом через некоторое время я познакомился с ребятами из «Партизана Уилла», которым позарез нужен был человек, который смог бы сыграть в постановке Шекспира на французском.

– И *ты* смог?

Уиллем кивает.

– Ты что, знаешь много языков?

– Я просто голландец. Ну, и я присоединился к «Партизану Уиллу», – он щелкает пальцами. – И теперь я актер.

Я удивлена.

– Мне показалось, что ты уже куда больше этим занимаешься.

– Нет. Это явление случайное и временное. Пока следующее происшествие не направит меня в другую сторону. Так жизнь устроена.

В груди у меня что-то оживает.

– Ты действительно так думаешь? Что вот так просто может измениться жизнь?

– Я верю, что это происходит непрерывно, но если ты не выйдешь на дорогу, то никуда не уедешь. Путешествуя, ты попадаешь на новые пути. Они не всегда хорошие. Иногда даже ужасные. Но в следующий раз... – Он пожимает плечами и показывает на Париж, а потом украдкой смотрит на меня. – Все складывается не так уж и плохо.

– Если автобус не собьет, – добавляю я.

Он смеется. Но соглашается.

– Если автобус не собьет, – повторяет Уиллем.

Пять

Мы приходим в клуб, где работает подруга Уиллема; кажется, что там совершенно никого нет, но, когда он начинает колотить в дверь, она открывается, и выходит высокий мужчина, кожа которого чернее самой черноты. Уиллем заговаривает с ним по-французски, и через минуту нас впускают в огромную сырую комнату с небольшим помостом, узким баром и несколькими столиками, на которых стоят перевернутые стулья. Они с этим Великаном еще немного переговариваются на французском, а потом Уиллем поворачивается ко мне:

– Селин не любит сюрпризов. Может, я лучше сначала один схожу.

– Конечно, – в тихом полумраке мой голос звучит очень резко, и я осознаю, что снова начала нервничать.

Уиллем направляется вглубь, к лестнице. А Великан снова принимается полировать бутылки в баре. До него, очевидно, не дошел слух, что Париж меня любит. Я сажусь на барный стул. Они крутятся в обоих направлениях, как в «Уиппс» – это такое местечко дома, куда я с бабушкой и дедушкой часто ходила есть мороженое. Великан не обращает на меня никакого внимания, так что я начинаю крутиться туда-сюда. В какой-то момент я, видимо, перестаралась, потому что сиденье соскочило с подставки.

– Ой, блин! Ай!

Я лежу, растянувшись на полу, Великан подходит ко мне. Лицо его ничего не выражает. Он поднимает стул и прикручивает его на место, а потом возвращается к бутылкам. Я еще немного лежу, думая, что будет унижительнее – остаться на полу или снова сесть на стул.

– Американка?

Что меня выдало? Неуклюжесть? Неуклюжих французов, что, не бывает? Вообще-то я довольно грациозная. Я восемь лет занималась балетом. Надо посоветовать ему починить стул, пока на него никто в суд не подал. Нет, если я это скажу, точно станет ясно, что я американка.

– Как ты догадался? – уж и не знаю, зачем я спрашиваю. Такое ощущение, что с того самого момента, как наш самолет сел в Лондоне, у меня над головой вспыхнула неоновая вывеска с мерцающими буквами: «ТУРИСТКА, АМЕРИКАНКА, ЧУЖЕСТРАНКА». Мне бы уже следовало к этому привыкнуть. Но вот разве что в Париже мне начало казаться, что она стала менее яркой. Но, видимо, я ошиблась.

– Твой друг говорил, – сообщает он. – Мой брат живет в Рош Эстэре.

– Да? – предполагается, что я знаю, где это. – Это под Парижем?

Он смеется громко, чуть не надрывая животики.

– Нет. В Нью-Йорке. Рядом с большим озером.

Рош Эстер?

– А! Рочестер!

– Да. Рош Эстер, – повторяет он. – Там очень холодно. Очень много снега. Моего брата зовут Али Мйоди. Может, ты его знаешь?

Я качаю головой.

– Я живу в Пенсильвании, это недалеко от Нью-Йорка.

– В Пенсильвании много снега?

Я стараюсь подавить смех.

– В Пенсильвании – довольно много, – говорю я, подчеркивая, как правильно говорить. – Но не так много, как в Рочестере.

Он вздрагивает.

– Слишком холодно. Особенно для нас. В наших венах течет сенегальская кровь, хотя мы оба и родились в Париже. Но мой брат, он поехал заниматься компьютерами в Рош Эстере, в университете, – великан, кажется, очень этим гордится. – Ему снег не нравится. А летом, говорит, комары, как в Сенегале.

Я смеюсь.

Губы великана расплываются в улыбке, и его лицо становится похожим на хеллоуинскую тыкву.

– Долго в Париже?

Я смотрю на часы.

– Я приехала час назад. И на один день.

– На один день? А тут почему? – он показывает на бар.

А я показываю на чемодан.

– Надо куда-то это деть.

– Отнеси вниз. Один день в Париже, время терять нельзя. Солнце светит, пусть светит на тебя. Снег всегда ждет.

– Уиллем сказал подождать, что Селин...

– Пфф, – обрывает он, взмахивая рукой. Потом выходит из-за стойки и легким движением вскидывает чемодан себе на плечо. – Идем, я помогу нести.

Лестница приводит в темный коридор, забитый колонками, усилителями, кабелями и осветительными приборами. Вдруг наверху раздается стук в дверь, и Великан убегает обратно, велев мне оставить чемодан в кабинете.

Там две двери, я подхожу к первой и стучу. Войдя, я вижу маленькую комнатку с металлическим столом, старым компьютером и грудой бумаг. Еще там стоит рюкзак Уиллема, но его самого нет. Я возвращаюсь в коридор и слышу женский голос, она ругается на французском, как строчит из пулемета, Уиллем же отвечает очень вяло.

– Уиллем? – кричу я. – Эй!

Он что-то говорит, но я не понимаю.

– Что?

Он снова что-то произносит, но я не могу расслышать, так что, приоткрыв вторую дверь, я попадаю в небольшую кладовую, забитую коробками, и вижу, что Уиллем стоит рядом с девушкой – этой Селин, – и даже в полутьме ясно, что она такая красавица, какую я из себя никогда даже не смогу изобразить. Она что-то хрипло говорит Уиллему, стягивая с него майку. Он, естественно, смеется.

Я резко захлопываю дверь и иду вверх по лестнице, спотыкаясь о собственный чемодан.

Потом я слышу грохот.

– Лулу, открой дверь, ее заело.

Я разворачиваюсь. Мой чемодан встал прямо под дверную ручку. Пнув его ногой, я снова лечу к лестнице, но тут дверь распахивается.

– Что ты делаешь? – спрашивает Уиллем.

– Ухожу, – не то чтобы мы с ним что-то значили друг для друга, но тем не менее – он что, оставил меня там, наверху, чтобы самому сходить вниз и перепихнуться с ней наскоро?

– Вернись.

Я о француженках наслышана. И довольно много видела французских фильмов. Многие из них только и думают о сексе, некоторые даже извращенки. Я хочу быть Лулу, но не настолько.

– Лулу! – Голос Уиллема очень напорист. – Селин согласилась присмотреть за твоими чемоданами, только если я переоденусь, – объясняет он. – Она говорит, что я как озабоченный старикашка, который только что из секс-шопа. – Он показывает на свои штаны.

До меня не сразу доходит, на что она намекала, но, поняв, я заливаюсь краской.

Селин говорит ему что-то по-французски, и он смеется. Ну ладно, может, все было не так, как я вообразила. Но все равно вполне очевидно, что за *чем-то* я их застала.

Уиллем снова поворачивается ко мне:

– Я сказал, что сменю джинсы, а майки у меня все грязные, так что она предложила найти мне новую.

Селин продолжает визгливо болтать что-то на своем языке, как будто меня вообще не существует.

Наконец она находит то, что искала, – серо-лиловую футболку с огромными красными буквами SOS на груди. Взяв ее, Уиллем раздевается. Сказав что-то еще, Селин начинает пытаться расстегнуть на нем ремень. Он, как будто сдаваясь, поднимает руки, но пуговицы расстегивает сам. Джинсы падают на пол, и длинноногий Уиллем остается в одних обтягивающих трусах-шортах.

– Excusez-moi⁵, – говорит он и проскальзывает мимо меня, коснувшись моей руки своим голым торсом. Тут темно, но я почти уверена, что Селин заметила, как я покраснела, и отметила это отдельным пунктом против меня. Через несколько секунд Уиллем возвращается с рюкзаком. Он отыскивает в нем пару помятых джинсов, но без пятен. Я изо всех сил стараюсь не смотреть на него, пока он натягивает штаны и вставляет в петельки поношенный ремень из коричневой кожи. Потом он надевает и майку. Селин бросает на меня взгляд, и я отвожу глаза, словно она меня застала за чем-то таким. Хотя так и есть. Смотреть, как он одевается, кажется мне еще более запретным, чем смотреть, как он раздевался.

– D'accord?⁶ – обращается Уиллем к Селин. Она оценивающе смотрит на него, уперев руки в бедра.

– Mieux⁷, – отвечает она как кошка. *Мяу*.

– Лулу? – спрашивает он меня.

– Хорошо.

Наконец Селин признает мое присутствие. Она что-то говорит, широко жестикулируя, потом останавливается.

Увидев, что я не отвечаю, Селин вскидывает бровь, изогнув ее дугой, вторая же совершенно неподвижна. Я видела такие же лица у женщин во Флоренции и Праге. Наверное, этому учат в европейских школах.

– Она спрашивает, слышала ли ты когда-нибудь «Су у су», – поясняет Уиллем, показывая на буквы SOS на майке. – Это известная панк-рэп группа с мощными текстами на тему справедливости.

Я качаю головой, чувствуя себя вдвойне неудачницей из-за того, что не слышала эту крутую французскую группу справедливых анархистов или как их там.

– Извини, я не понимаю по-французски.

Селин с презрением смотрит на меня. Очередная тупая американка, которой лень учить чужой язык.

⁵ Извини (*фр.*).

⁶ Нормально? (*фр.*)

⁷ Получше (*фр.*).

– Я немного знаю китайский, – с надеждой добавляю я, но это не производит впечатления.

Селин снисходит до английского.

– А как же имя. Лулу, оно французское, non⁸?

Возникает небольшая пауза. Как между песнями на концерте. Идеальное время небрежно бросить: «Вообще-то я Эллисон».

Но тут за меня отвечает Уиллем:

– Это сокращенно от «Луиза», – и подмигивает мне.

Селин показывает на мой чемодан ухоженным фиолетовым ногтем.

– Эта сумка?

– Да. Она.

– Такая большая.

– Не настолько уж, – мне вспоминаются чемоданы некоторых других девчонок, которые были со мной в туре, – фены, адаптеры, три комплекта одежды на каждый день. Я смотрю на ее черную сетчатую тунику, доходящую до бедер, черную мини-юбку, за которую Мелани дорого дала бы, и думаю, что ее бы это не впечатлило.

– Это можете оставлять в кладовке, но не в моем офисе.

– Отлично. Главное, чтобы я завтра могла его забрать.

– Уборщица придет в десять. Да, у нас много лишних, можешь тоже взять одну, – добавляет она, вручая мне такую же футболку, как и у Уиллема, только моя как минимум на размер больше, чем у него.

Я хотела засунуть ее в свой чемодан, но потом представила, что там внутри: строгие юбки-трапеции и футболки, которые выбрала мама. Дневник, в котором, как я надеялась, займут место рассказы о захватывающих дух приключениях, но в итоге оказалось похоже на серию телеграмм: *Сегодня ходили в Пражский Град. Тчк. Смотрели «Волшебную флейту» в Государственном оперном театре. Тчк. На обед ели куриные котлеты. Тчк.* И открытки из знаменитых европейских городов, пустые, потому что после того, как я отправила несколько обязательных родителям и бабушке, больше было некому. А еще запечатывающийся пакетик с единственным листком бумаги. Перед поездкой мама составила мне опись всех вещей, которые надо было взять с собой, а потом сделала несколько копий – по одной на каждую остановку, чтобы каждый раз во время сборов я отмечала то, что уже положила, и ничего не забыла. Так что остался один листок для моей предполагаемой остановки в Лондоне.

Вместо этого я кладу футболку в сумку.

– Возьму с собой. Буду в ней спать.

Селин опять вскидывает бровь. Она, наверное, никогда не спит в футболках. Скорее всего, во всей красе своей обнаженности, даже самыми холодными зимними ночами. У меня в голове мелькает образ, как она, голая, спит рядом с Уиллемом.

– Спасибо. За футболку. И за то, что взяла мой чемодан, – говорю я.

– Merci⁹, – отвечает Селин, и я гадаю, за что она благодарит меня, но потом понимаю, что она хочет, чтобы я сказала по-французски, и я делаю это, но получается похоже скорее на наше слово «спаси».

Мы идем вверх. Селин бухтит что-то Уиллему. Я начинаю понимать, как он выучил язык. На случай если и без того недостаточно было видно, что она собачка, а Уиллем – пожарный кран, наверху она обнимает его и медленно ведет в сторону бара. Мне уже хочется вскрикнуть: «Эй! Вы меня не забыли?»

⁸ Нет? (фр.)

⁹ Спасибо (фр.).

Когда они касаются друг друга щеками, типа целуются, я начинаю испытывать то же самое, что и некоторое время назад. Рядом с Селин с ее метровыми каблуками, черными волосами, снизу подкрашенными в блонд, идеальной симметрией лица, испорченной и подчеркнутой многочисленным пирсингом, я чувствую себя какой-то крошечной карлицей и простушкой. И я снова задаюсь вопросом: «Зачем он меня сюда привез?» А потом вспоминаю Шейна Майклза.

В десятом классе я весь год была от него просто без ума. А он учился в последнем классе. Мы тусовались вместе, он со мной флиртовал, много куда приглашал, даже платил за меня и рассказывал много личного о себе – да, в том числе о своих свиданиях с девчонками. Но те его отношения никогда не длились больше нескольких недель, и я все время говорила себе, что мы становимся ближе, и рано или поздно он меня полюбит. Но шли месяцы, а между нами так ничего и не завязывалось, Мелани сказала, что у нас никогда ничего не произойдет.

– Ты все время будешь играть роли второго плана, – заявила она. Тогда я подумала, что она просто завидует, но, разумеется, подруга была права. Сейчас до меня доходит, что, даже несмотря на факт наличия Эвана, это, возможно, болезнь на всю жизнь.

Я чувствую, что дрожу, что гостеприимство, с которым меня встретил Париж некоторое время назад, угасает – если оно вообще мне не померещилось с самого начала. Как глупо было думать, что пес, обнюхавший меня, и взгляд какого-то незнакомца что-то значили. Париж обожает девушек вроде Селин. И настоящих Лулу, не подделок.

Но когда мы уже дошли до двери, из-за барной стойки выходит Великан, берет меня за руку и изящно целует меня в обе щеки – «à bientôt»¹⁰.

В груди у меня щекочет какое-то теплое чувство. Впервые за всю поездку со мной так без смущения мило обходится местный – потому что ему так захотелось, а не потому что я у него что-то купила. От моего внимания не ускользнул и тот факт, что Уиллем смотрит уже не на Селин, а на меня, и его лицо загорается от непонятных мне эмоций. Уж не знаю, из-за этого или из-за чего другого, но этот поцелуй, который я расцениваю за проявление чисто платонических чувств, это дружеское касание щек кажется чем-то жутко важным. Как поцелуй самого Парижа.

Шесть

– Лулу, нам надо кое-что важное обсудить.

Уиллем торжественно смотрит на меня, и у меня опять душа в пятки уходит, словно я столкнулась с очередным неприятным сюрпризом.

– А теперь что? – спрашиваю я, стараясь не выдать своего беспокойства в голосе.

Он складывает руки на груди и поглаживает подбородок. Хочет отправить меня обратно? Нет! Сегодня со мной этот психоз однажды уже приключался.

– Что? – переспрашиваю я вопреки всем своим усилиям довольно нервно.

– В этой поездке мы потеряли час, уже больше двух. Пора обедать. Это Париж. И у нас всего один день. Надо очень серьезно подойти к вопросу.

– А, – я облегченно вздыхаю. Он что, теперь прикалываться надо мной пытается? – Мне все равно. Что угодно, только, пожалуйста, не хлеб с шоколадом. Для тебя это, может, основа питания, но как-то это не особо по-французски, – резко отвечаю я, не особо понимая причину своего раздражения, за исключением того факта, что мы еще не очень далеко отошли от клуба Селин, и кажется, что она нас как-то преследует.

Уиллем делает вид, что обиделся.

¹⁰ До скорого свидания (*фр.*).

– Хлеб с шоколадом – не основа моего питания, – он ухмыляется. – Ну, не только он. И это *очень* по-французски. Знаешь шоколадные круассаны? Завтра можно будет взять их на завтрак.

Завтрак. Утром. После ночи. Теперь образ Селин потихоньку отдаляется.

– Если, конечно, ты не предпочтешь чипсы, – продолжает он. – Или блинчики. Это по-американски. Может, чипсы с вашими блинчиками?

– Я не ем картошку на завтрак. А блины иногда ем на ужин. Такая вот я бунтарка.

– Тонкие французские блинчики, – говорит он, щелкая пальцами. – Вот что мы будем есть. Как настоящие французы. А ты можешь бунтовать.

Мы идем дальше, просматривая меню кафе, пока не находим подходящее место на тихом остром углу, где подают французские блинчики. Меню там написано от руки, по-французски, но перевести я у него уже не прошу. После инцидента с Селин я со своим незнанием языка начинаю чувствовать себя инвалидкой. Так что я листаю меню и останавливаюсь, наткнувшись на «citron», я почти уверена, что это лимон, ну или апельсин, что-нибудь цитрусовое. Так что я выбираю себе «citron crêpe»¹¹ и напиток «citron pressé»¹², надеясь, что это какой-нибудь лимонад.

– Ты что будешь? – спрашиваю я.

Уиллем почесывает подбородок. Там у него небольшая полоска золотистой щетины.

– Я хотел с шоколадом, но это же почти хлеб, боюсь, ты уважать меня перестанешь, – и опять эта ленивая полуулыбка.

– Не парься из-за этого. Я уже перестала, застав тебя с Селин в ее кабинете, когда ты раздевался, – шучу я.

И вот этот взгляд: удивленный, веселый.

– Это был не ее кабинет, – медленно отвечает он, растягивая каждое слово. – И я бы сказал, что скорее это она меня раздевала.

– А, тогда совсем неважно. Заказывай с шоколадом, конечно же.

Уиллем не сводит с меня глаз.

– Нет. В качестве покаяния я возьму с «Нутеллой».

– Не похоже на покаяние. «Нутелла» – это почти тот же шоколад.

– Она ореховая.

– И шоколадная! Отвратительно.

– Ты так говоришь лишь потому, что ты американка.

– Это никакого отношения к делу не имеет! Шоколад с хлебом ты готов есть бесконечно, но я не думаю, что это из-за того, что ты голландец.

– Почему же?

– Голландский шоколад. У вас же на него патент.

Уиллем смеется.

– Кажется, ты с бельгийцами путаешь. А я такой сладкоежка в маму, она у меня даже не голландка. Она сказала, что, пока носила меня, все время очень сильно хотела шоколада, поэтому и мне он так нравится.

– Ясное дело. Во всем женщины виноваты.

– А кто-то разве обвиняет?

Подходит официантка с нашими напитками.

– Эта Селин, – начинаю я, хотя понимаю, что надо уже забыть о ней, но почему-то не могу. – Она бухгалтер? В клубе?

– Да.

¹¹ Блинчик с лимонной начинкой (фр.).

¹² Свежевыжатый лимонный сок (фр.).

Я понимаю, что мысль стервозная, но я радуюсь, что у нее такая скучная работа. Но Уиллем проясняет:

– Но не бухгалтер. Она концерты организывает, знает всех этих музыкантов. – И, как будто этого мало, добавляет: – Ну и постеры частично рисует.

– А, – я сдуваюсь. – Наверное, она очень талантливая. Вы с ней познакомились в труппе?

– Нет.

– А как же?

Он теребит обертку от моей трубочки.

– Ясно, – говорю я, сама не понимая, зачем задала вопрос, ответ на который так болезненно очевиден. – У вас что-то было.

– Нет, нет.

– А, – я удивлена. И чувствую себя лучше.

Но потом Уиллем добавляет, как бы невзначай:

– Просто однажды мы влюбились друг в друга.

Я делаю огромный глоток «citron pressé» и начинаю кашлять, чуть не захлебнувшись. Оказывается, что это не лимонад, а настоящий лимонный сок, разбавленный водой. Уиллем дает мне кубик рафинада и салфетку.

– Однажды? – спрашиваю я, придя в себя.

– Это было давно.

– А сейчас?

– Теперь мы добрые друзья. Ты видела.

Я не совсем уверена, как трактовать то, что я видела.

– Значит, ты больше ее не любишь? – я провожу пальцами по ободку своего стакана.

Уиллем смотрит на меня.

– Я не говорил, что любил ее.

– Ты же только что сказал, что влюбился в нее.

– Сказал.

Я непонимающе смотрю на него.

– Лулу, «влюбиться» и «любить» – это совершенно разные вещи.

У меня разгораются щеки, я не совсем могу понять почему.

– Разве это не вытекает одно из другого? Как Б из А?

– Чтобы полюбить, надо влюбиться, но влюбиться – это не то же самое, что любить. –

Уиллем сверлит меня пристальным взглядом из-под ресниц. – Ты когда-нибудь влюблялась?

Мы с Эваном расстались на следующий день после того, как он отправил оплату за обучение в колледже. Не то чтобы это было неожиданно. Нет. Мы даже договорились, что, поступив, разойдемся – если не окажемся близко друг к другу. Он собирался в Сэнт-Луис. А я – в Бостон. Меня удивило время, когда он это сделал. Эван решил, что есть смысл «оторвать пластырь» не в июне, после выпускного, или в августе, когда придет пора разъезжаться, а в апреле.

Но на самом деле, если исключить слухи, что меня бросили, и тот факт, что мне не с кем было идти на выпускной, по поводу утраты Эвана я не особо расстроилась. Я на удивление спокойно отнеслась к разрыву отношений со своим первым парнем. Как будто его и не было. Я по нему не скучала, а время, которое я раньше уделяла ему, быстро заполнила собой Мелани.

– Нет, – отвечаю я. – Я ни разу не любила.

На этом месте пришла официантка с нашими заказами. Мой блинчик оказался золотисто-коричневым, с кисло-сладким ароматом лимона с сахаром. Я всецело отдаюсь ему, отрезаю кусочек и кладу в рот. Он тает на языке, как теплая и сладкая снежинка.

– Я про другое спросил, – напоминает Уиллем. – Влюблялась ли ты?

Игривость его голоса вызывает во мне какой-то легкий зуд, который я не могу унять. Я смотрю на него, гадая, всегда ли он так дотошен в выборе слов.

Уиллем откладывает приборы.

– *Это* вот – влюбиться, – он пальцем берет «Нутеллу» со своего блинчика и кладет солидную каплю мне на запястье. Горячая и жидкая, она начинает течь по моей липкой руке, но Уиллем, облизнув палец, снимает ее и съедает. И все так быстро, как ящер, заглотивший муху. – А вот *это* – любить, – он берет другую мою руку, на которой часы, и поднимает их, пока не находит, что искал. Он снова облизывает палец и принимается тереть мое родимое пятно, с силой, словно пытается его удалить.

– Любовь – это родимое пятно? – шучу я, убирая руку. Но голос чуть дрожит, а то место, которого коснулся его влажный палец, как-то странно жжет.

– Это нечто такое, что навсегда, что не уберешь, как бы ни хотелось.

– Ты сравниваешь любовь с... пятном?

Уиллем откидывается на спинку стула так, что его передние ножки приподнимаются. Он выглядит очень довольным, блинчиком или собой – не знаю.

– Именно.

Я вспоминаю кофейное пятно на его джинсах. Леди Макбет и ее слова о проклятом пятне – этот монолог тоже приходилось учить в школе.

– Мне кажется, что «пятно» – слишком уродливое слово для описания любви, – говорю я.

Уиллем лишь пожимает плечами.

– Ну, может, это только в английском так. По-голландски это будет «vlek». По-французски – «tache». – Он качает головой и смеется. – Да, тоже некрасиво.

– И на скольких языках ты запятнан?

Снова облизнув палец, Уиллем протягивает руку и убирает крошечное пятнышко «Нутеллы» с моего запястья. В этот раз он оттирает его – меня – начисто.

– Ни на одном. Оно всегда сходит, – он запихивает оставшийся блин в рот и тупым краем ножа собирает с тарелки «Нутеллу». А потом пальцем вытирает край, чтобы не оставить совсем ничего.

– Верно, – говорю я. – Зачем ходить с пятном, если постоянно пачкаться заново куда прикольнее. – Из лимонов в моем блинчике куда-то пропала вся сладость.

Уиллем молчит. И пьет кофе.

В кафе забредают три женщины. Все они нереально высокие, почти как Уиллем, и длинноногие – ноги, можно сказать, от груди растут. Словно это некий странный подвид людей-жирафов. Модели. Раньше я их в естественных условиях не видела, но это явно они. На одной из них крошечные шортики и сандалии на платформе; она окидывает взглядом Уиллема, он отвечает ей своей полуулыбкой, но потом, словно опомнившись, переводит взгляд обратно на меня.

– Знаешь, какое у меня впечатление складывается? – спрашиваю я. – Что ты просто бабник. И это нормально. Только признайся себе в этом. А не придумывай какую-то там разницу между тем, чтобы влюбиться и любить.

Я слышу себя будто со стороны. Как маленькая мисс Маффет, этакая праведная ханжа. На Лулу совсем не похоже. И не знаю, чего я расстроилась. Мне-то какое дело до того, что он проводит разницу между тем, чтобы влюбиться и полюбить? Может даже считать, что любовь зубная фея под подушку подкладывает.

Подняв взгляд, я вижу, что Уиллем прикрыл глаза и улыбается, как будто я ему придворный шут. Я выхожу из себя, как ребенок, готовый закатить истерику из-за того, что ему

отказали в абсурдной просьбе – например, купить пони, – хотя он и сам понимает, что это невозможно.

– Ты, наверное, в любовь даже не веришь, – мой голос звучит явно раздраженно.

– Верю, – тихо отвечает он.

– Да? Ну расскажи, что такое любовь. На что похожа эта «запятнанность»? – Я рисую пальцами в воздухе кавычки и закатываю глаза.

Он отвечает моментально:

– Как у Яэль и Брама.

– Это кто такие? Типа голландская Бранджелина? Это не в счет, кто знает, как у них там все на самом деле? – Модели гуськом входят в кафе, собрались себе на обед кофе с воздухом заказать. Однажды они станут жирными и обычными. Такая красота не вечна.

– Что это за Бранджелина? – рассеянно спрашивает Уиллем. Достав из кармана монетку, он принимается перекатывать ее по костяшкам.

Я смотрю на монетку, смотрю на его руки. Они большие, но пальцы тонкие.

– Неважно.

– Яэль и Брам – это мои родители, – тихонько говорит Уиллем.

– Родители?

Дойдя до конца, он подбрасывает монетку.

– Запятнанные. Мне понравилось твое слово. Яэль и Брам: запятнаны вот уже двадцать пять лет.

Он говорит это с любовью и какой-то грустью, у меня аж живот скручивает.

– Твои такие же? – спрашивает он.

– Они в браке тоже уже почти двадцать пять лет, но в пятнах ли они? – Я не могу сдерживать смех. – Не знаю, были ли они запятнаны вообще хоть когда-нибудь. Они познакомились в колледже, на свидании вслепую. Мои мама с папой никогда не были похожи на влюбленных голубков, они скорее такие добрые бизнес-партнеры, для которых я – единственный продукт.

– Единственный? Ты одинокая в семье?

Одинокая? Он, наверное, имел в виду «одна». Я не одинока, не с такой мамой, как у меня. Она ведет специальный календарь, прилепленный к холодильнику, в котором цветами закодированы разные развивающие мероприятия, она следит за тем, чтобы ни минута моей жизни не прошла даром, чтобы она была хорошо и счастливо выстроена. Разве что если вспомнить, как я себя чувствую, сидя с родителями за столом, когда они говорят как бы со мной, но на самом деле не со мной, и в школе, где вокруг много народу, но друзей нет. И я понимаю, что Уиллем, даже если не нарочно, все верно подметил.

– Да, – говорю я.

– И я.

– Они решили остановиться, пока им везет, – говорю я, повторяя то, что всегда говорят сами родители, когда их спрашивают, единственный ли я ребенок. «Мы остановились, пока нам везло».

– Некоторых английских поговорок я не понимаю, – говорит Уиллем. – Если везет, зачем останавливаться?

– Я думаю, это выражение касается азартных игр.

Но Уиллем качает головой.

– По-моему, природа человека такова, что, пока ему везет, он ни за что не остановится. Останавливаются, когда проигрывают. – Он снова переводит взгляд на меня, словно понимая, что его слова могли меня обидеть, и поспешно добавляет: – Я уверен, что это не про твой случай.

Когда я была маленькая, мама с папой пытались родить еще одного ребенка. Сначала ждали, что получится само собой, потом обратились к специалисту, и маме пришлось вытерпеть кучу ужасных процедур, которые так и не помогли. Потом они задумались об усыновлении, начали даже собирать документы, но тут мама забеременела. Она была так счастлива. Я тогда училась в первом классе. Когда родилась я, она рано вышла на работу, но после появления второго ребенка она планировала уйти в длительный отпуск, а потом, может быть, вернуться в свою фармацевтическую компанию на полставки. Но на пятом месяце она ребенка потеряла. На этом они с папой и решили остановиться – «пока везет». Это они мне так сказали. Но, думаю, я даже тогда понимала, что это ложь. Они хотели еще детей, но пришлось ограничиться мной одной, и мне надо быть хорошей дочерью, дабы все могли делать вид, что довольны жизнью.

– Может, ты и прав, – говорю я Уиллему. – Может, действительно никто не останавливается, пока ему везет. Родители всегда так говорят, но на самом деле они ограничились мной одной, потому что больше просто не получилось. А не потому, что им больше не надо было.

– Я не сомневаюсь, что тебя им достаточно.

– А тебя – твоим? – интересуюсь я.

– Может, даже больше чем достаточно, – уклончиво отвечает он. Уиллем как будто бы хвастается, хотя по его виду так и не скажешь.

Он снова начинает перекачивать монетку. Мы сидим молча, я слежу за ее движением, и в животе растет какое-то напряжение, я все думаю, даст ли он ей упасть. Но Уиллем не дает, все продолжает перекачивать. Наигравшись, он бросает ее мне, как накануне.

– Можно кое-что спросить? – спустя минуту говорю я.

– Да.

– Это было частью программы?

Он настораживается.

– Ну, ты после каждого выступления бросаешь какой-нибудь девчонке монетку, или я особенная?

Вернувшись в отель прошлым вечером, я очень долго рассматривала монетку Уиллема. Это была чешская корона, равная по стоимости примерно пяти центам. Но все же я не стала класть ее в то же отделение кошелька, где хранила другие зарубежные монетки. Я достаю ее сейчас. Она сверкает на ярком солнце.

Уиллем тоже смотрит на нее. Не знаю, говорит ли он правду или просто какую-то безумную чушь, или, может, и то и другое. Именно это он и отвечает:

– Может, и то и другое.

Семь

На выходе из ресторана Уиллем спрашивает у меня, который час. Я поворачиваю часы на запястье. Они кажутся тяжелее обычного, рука под ними чешется. Кожа у меня там бледная, ведь она уже три недели окована этим тяжелым куском металла. Я их ни разу не снимала.

Это подарок от родителей, хотя вручила их мне мама вечером после получения аттестатов, что мы отметили в итальянском ресторане с семьей Мелани. Там же они сообщили нам и об этом туре.

– Что это? – спросила я. Мы сидели на кухне, отходили от тяжелого дня. – Подарок ведь уже был.

Она улыбнулась.

– А у меня еще один.

Я открыла коробочку, провела пальцами по тяжелому золотому браслету, прочла выгравированную надпись.

– Это слишком. – Я действительно так думала. Во всех отношениях.

– Время никого не ждет, – сказала мама, немного грустно улынувшись. – И ты заслужила хорошие часы, чтобы следить за ним. – Затем она надела их мне на руку, показала, где там дополнительная застежка, сказала, что они еще и водозащитные. – Ни за что не соскочат. Так что можешь взять их с собой в Европу.

– Ой, нет. Они слишком дорогие.

– Ничего страшного. Они застрахованы. К тому же твой «Свотч» я выбросила.

– Да? – Я носила эти часы в полосочку, как у зебры, все старшие классы.

– Ты теперь взрослая. И часы у тебя должны быть как у взрослой.

Я смотрю на них. Уже почти четыре. Во время тура я вздохнула бы с облегчением, потому что самая активная часть дня как раз подходила к концу. Обычно мы в пять отдыхали, а к восьми я, как правило, уже могла пойти к себе в номер и найти какой-нибудь фильм.

– Наверное, пора уже посмотреть что-нибудь из достопримечательностей, – говорит Уиллем. – Ты знаешь, куда хочешь?

Я пожимаю плечами.

– Можем начать с Сены. Это не она? – я показываю на бетонную набережную у какой-то речки.

Уиллем смеется.

– Нет, это канал.

Мы идем по мощеной дорожке, и Уиллем достает толстый путеводитель по Европе «Раф Гайд». Он открывает небольшую карту Парижа и приблизительно показывает, где мы. Район называется «Виллет».

– А Сена тут, – говорит он, проводя пальцем вниз по карте.

– А, – я смотрю на лодку, застрявшую между двумя массивными металлическими воротами; и туда набирается вода. Уиллем объясняет, что шлюз, грубо говоря, лифт, который поднимает и опускает лодки, когда глубина в каналах различается.

– Откуда ты столько всего обо всем знаешь?

Он смеется.

– Я голландец.

– Это что, значит, что ты гений?

– Только по вопросам каналов. Как говорят, «Господь создал землю, а голландцы – Голландию». – И рассказывает, как они отвоевали огромный кусок своей территории у моря, о том, как все ездят на великах по низким дамбам, не позволяющим воде залить страну. О том, что проехаться под дамбой – это символ веры, потому что ты хоть и знаешь, что находишься ниже уровня моря, видишь, что ты не под водой. Рассказывая обо всем этом, Уиллем кажется такими юным, я буквально вижу в нем маленького мальчика с взъерошенными волосами и огромными глазами, который смотрит на бесконечные каналы, гадая, куда же они ведут.

– Может, на лодке прокатимся? – спрашиваю я, показывая на баржу, которая только что прошла через шлюз.

У Уиллема загораются глаза, и на миг я снова вижу того мальчишку.

– Не знаю, – он смотрит в путеводитель. – Тут об этом районе почти ничего нет.

– Может, спросим?

Уиллем обращается к прохожему, и ему дают очень путанный ответ, буйно жестикулируя. Когда он поворачивается ко мне, я вижу, что он воодушевлен.

– Ты права. Он сказал, что из бассейна выходит пассажирская лодка.

Мы продолжаем свой путь по мощеной дорожке, пока она не выходит к большому озеру, где плавают люди на байдарках. А у бетонного причала пришвартованы две лодки. Но подойдя к ним, мы видим, что они не для общественного пользования. Лодки для туристов уже закончили свой рабочий день.

– Сможем тогда поплыть по Сене, – говорит Уиллем. – Там больше народу, и лодочки работают круглосуточно. – Но глаза у него грустные. Я вижу, что он расстроен, словно разочаровал меня.

– Ну и ничего страшного. Мне все равно.

Но он с тоской смотрит на воду, я вижу, что *ему* не все равно. И я понимаю, что я его не знаю, но я спорить готова, что тот маленький мальчик заскучал по дому. По лодкам, каналам и другой воде. И на миг я представляю себе, каково это – уехать на два года, тем не менее Уиллем отложил возвращение еще на день. Он сделал это. Ради меня.

Поднялся ветер и принялся раскачивать стоявшие у причала лодки и баржи. Я смотрю на Уиллема; от печали морщинки на его лице стали глубже. Я оглядываюсь на лодки.

– Вообще-то мне не все равно, – лезу в сумку за кошельком, за лежащей там стопкой бумажкой. Размахивая ею в воздухе, я кричу:

– Я хочу прокатиться по каналу. И готова заплатить!

Уиллем резко поворачивается ко мне.

– Лулу, что ты делаешь?

Но я отхожу от него.

– Есть желающие прокатить нас по каналу? – кричу я. – У меня тут старая добрая американская зелень.

На барже с синим тентом показывается рябой мужчина с острыми чертами лица и редкой эспаньолкой.

– Сколько зелени? – спрашивает он с сильным французским акцентом.

– Все!

Он берет сотню и пристально рассматривает. Потом нюхает.

Пахнет, наверное, по-настоящему, так как он отвечает:

– Если пассажиры не против, я отвезу вас вниз по каналу до Арсенала, это рядом с Бастилией. Там мы встаем на ночь, – он показывает на заднюю часть лодки, где за маленьким столиком сидят четыре человека и играют в бридж или что-то типа того, и обращается к одному из них.

– Да, капитан Джек, – отвечает тот. Ему лет шестьдесят. Уже седой, а лицо покраснело от солнца.

– Тут к нам попутчики хотят присоединиться.

– А в покер они играют? – интересуется одна из женщин.

Я играла на мелочь в семикарточный стад с дедушкой, пока он был жив. Он говорил, что я прекрасно блефую.

– Да неважно. Она уже все деньги мне отдала, – отвечает капитан Джек.

– Сколько он с вас взял? – спрашивает один из мужчин.

– Я дала сотню долларов, – говорю я.

– Куда?

– По каналам.

– Вот поэтому мы и зовем его капитаном Джеком. Он пират.

– Нет. Это потому, что меня зовут Жак и я ваш капитан.

– Но целую сотню, Жак? – говорит женщина с длинной седой косой и поразительными голубыми глазами. – Это многовато даже для тебя.

– Она сама предложила, – Жак пожимает плечами. – К тому же чем больше денег, тем больше я проиграю вам в карты.

– Да, хороший аргумент, – соглашается она.

– Мы не сейчас отплываем? – интересуюсь я.

– Скоро.

– Когда именно? – Уже больше четырех. День стремительно идет к концу.

– Такие вещи нельзя торопить, – он взмахивает рукой. – Время – оно как вода. Жидкое. Мне оно жидким не кажется. Наоборот, для меня оно настоящее, живое и твердое, как камень.

– Он хотел сказать, – говорит мужчина с хвостиком, – что до Арсенала плыть прилично, а мы как раз только что собирались открыть бутылочку бордо. Капитан Джек, давай пошевеливайся. За сотню вино можно отложить и на потом.

– А мы продолжим распивать этот чудесный французский джин, – говорит дама с косой.

Пожав плечами, он убирает в карман мои деньги. Я с ухмылкой поворачиваюсь к Уиллему. А потом киваю капитану Джеку. Он подает мне руку и помогает сесть на лодку.

Пассажиры представляются. Оказывается, что они датчане, на пенсии, и, как они говорят, каждый год арендуют баржу и отправляются в четырехнедельный круиз по Европе. Агнет с косой, а Карин с короткими жесткими и торчащими во все стороны волосами. У Берта целая копна светлых волос, а у Густава – лысина и крысиный хвостик и беспрочно модное сочетание носков с сандалиями. Уиллем представляется, и я, почти на автомате, называюсь Лулу. Как будто я ею действительно стала. Может, так и есть. Эллисон никогда бы не отважилась на то, что сделала я сейчас.

Капитан с Уиллемом отвязывают лодку, и я думаю спросить, не должны ли мне вернуть часть денег, если уж Уиллем будет исполнять роль первого помощника, но замечаю, что Уиллем просто кайфует. Он явно умеет управляться с лодкой.

Баржа, пытаясь, выходит из широкого бассейна, и перед нами открывается вид на старое здание с широкими колоннами и современное с серебряным куполом. Датчане возвращаются к своей игре.

– Смотрите, все не продуйте! – кричит им капитан Джек. – А то мне нечего проигрывать будет.

Я пробираюсь на нос и любуюсь проплывающим пейзажем. Тут, на воде, под узкими сводчатыми пешеходными мостиками, прохладнее. И пахнет тоже иначе. Чем-то старым, заплесневелым, словно между этими влажными стенами хранится какая-то древняя история. Интересно, какие секреты они рассказали бы, если бы могли говорить.

Когда мы доходим до первого шлюза, Уиллем забирается на борт, чтобы показать мне, как работает его механизм. Старые металлические ржавые ворота, такого же противного цвета, как и вода, закрываются за нами, вода сливается, и в нижней секции открываются другие ворота.

Мы попадаем в такую узкую часть канала, что наша баржа занимает его почти на всю ширину. От канала вверх, к улицам, ведут крутые валы, а там растут тополя и вязы (по словам капитана Джека), образуя арки, которые спасают от беспощадного послеобеденного солнца.

Порыв ветра качает деревья, и на палубу, трепеща, падают листья.

– Дождь собирается, – объявляет капитан Джек, нюхая воздух, как кролик. Я смотрю наверх, потом на Уиллема и закатываю глаза. На небе ни облачка, в этой части Европы дождя не было уже десять дней.

А Париж продолжает жить своей жизнью. Женщины пьют кофе, присматривая за детьми, носящимися по тротуарам. Торговцы в открытых палатках, как ястребы, приглядывают за своими овощами и фруктами. Любовники обвивают друг друга руками, невзирая на жару. А на мостике стоит кларнетист и играет им всем серенаду.

Я в этой поездке почти не фотографировала. Мелани все время прикалывалась надо мной на эту тему, а я всякий раз отвечала, что для меня важнее все это проживать, нежели фанатично фиксировать. Хотя, по правде говоря, в отличие от подружки (которая хотела запомнить и продавца обуви, и мима, и симпатичного официанта, и всех остальных, с кем общалась), меня ничего не цепляло. В самом начале тура я еще фотографировала достопримеча-

тельности. Колизей. Бельведер. Площадь Моцарта. Но потом перестала. Выходило не особо красиво, да и все это можно найти на открытках.

Но этого на открытках нет – жизни.

Я фотографирую лысого мужчину, выгуливающего четырех лохматых собак. Девочку в просто нелепой юбке с рюшечками, она обрывает лепестки с цветка. Парочку, бесстыдно целующуюся на искусственном пляжике у канала. Датчан, которые ничего этого не замечают, весело проводя время за игрой.

– Давай я вас тоже сфотографирую, – предлагает Агнета и на шатающихся ногах встает из-за стола. – Разве ты не милашка? – Она поворачивается к столу. – Берт, я когда-нибудь была такой же милашкой?

– Да ты и сейчас такая, любимая.

– Вы давно женаты? – интересуюсь я.

– Тринадцать лет, – отвечает она, и я думаю, интересно, запятнаны ли они, и тут она добавляет: – Хотя десять из них мы были в разводе.

Она замечает мое смущение.

– Наш развод был успешнее многих браков.

Я поворачиваюсь у Уиллему.

– Что это за пятно такое? – шепотом спрашиваю я, он смеется, и как раз в этот момент Агнета нас щелкает.

Где-то вдалеке звенит церковный колокол. Агнета возвращает мне телефон, и я фотографирую ее с Бертом.

– Пришлешь мне ее? Или лучше все?

– Конечно. Как только мой телефон снова будет в Сети, – я смотрю на Уиллема.

– Тебе тоже могу прислать, если дашь мне свой номер.

– У меня старый телефон, он фоток не видит.

– Тогда могу дома слить их на компьютер и отправить по почте, – говорю я, хотя надо будет придумать, где спрятать их от мамы; просматривать мой телефон или компьютер вполне в ее стиле. Хотя, как я вдруг понимаю, это теперь всего лишь на месяц. А потом я буду свободна. Свободна, как сегодня. – Пошлю по электронной почте.

Он очень долго смотрит на одну из фоток. А потом – на меня.

– Я сохранию тебя здесь, – Уиллем постукивает по виску. – Откуда не потеряешь.

Я закусываю губу, чтобы скрыть улыбку, и делаю вид, что убираю телефон, но когда капитан Джек подзывает Уиллема и просит его постоять у руля, пока он сам сходит в туалет, я достаю его обратно, листаю фотки и дохожу до кадра, который сделала Агнета, где мы вдвоем. Я там в профиль с открытым ртом. А он смеется. Как всегда. Я провожу большим пальцем по его лицу, словно ожидая почувствовать тепло, идущее от него.

Я убираю телефон и снова любуюсь проплывающим Парижем, мне спокойно, я как будто пьяна какой-то навевающей сон радостью. Через некоторое время Уиллем возвращается ко мне. Мы молча сидим и слушаем плеск воды и болтовню датчан. Он достает монетку и снова перекачивает ее по костяшкам. Я смотрю на его руку, словно за гипнотизированная мягким покачиванием лодки. Все идет спокойно, пока датчане не начинают кричать. Уиллем переводит: – Они, видимо, спорят о том, снималась ли некая знаменитая французская актриса в порнофильме.

– Ты и датский знаешь?

– Нет, просто он похож на голландский.

– А знаешь сколько языков?

– Свободно?

– Боже. Лучше бы не спрашивала.

– Свободно говорю на четырех. Еще как-то понимаю немецкий с испанским.

Я восторженно качаю головой.

– Да, но ты сказала, что говоришь по-китайски.

– Я не столько говорю на нем, сколько его калечу. У меня нет слуха, а для китайского это важно.

– Скажи что-нибудь.

Я смотрю на него.

– Ni zhen shuai¹³.

– Еще что-нибудь.

– Wo xiang wen ni¹⁴.

– Теперь услышал, – Уиллем прикрывает голову. – Прекрати. У меня уже кровь из ушей пошла.

– Заткнись, а то правда пойдет, – я толкаю его понарошку.

– Как это переводится?

Я смотрю на него. Ни за что не скажу.

– Ты это просто выдумала.

Я пожимаю плечами.

– Ты все равно этого не узнаешь.

– Так что это значит?

Я ухмыляюсь.

– Придется в словаре искать.

– А написать можешь? – Уиллем достает свою маленькую черную книжку и открывает на чистой странице ближе к концу. Потом принимается рыться в рюкзаке. – У тебя ручка есть?

У меня капиллярная ручка, которую я стянула у папы, на ней выгравировано: «ДЫШИТЕ ЛЕГКО С ПУЛЬМОКЛИР». Я рисую иероглифы: солнце, луна, звезды. Уиллем восторженно кивает.

– Смотри, вот мой любимый. Двойное счастье.

– Видишь, симметричный?

– Двойное счастье, – повторяет Уиллем, повторяя черточки движением указательного пальца.

– Это распространенное словосочетание. Часто используется в названиях ресторанов и всякого такого. Мне кажется, оно обозначает удачу. В Китае этот иероглиф непременно увидишь на свадьбе. Наверное, это связано с его этимологией.

– И какова она?

– Юноша отправился в долгий путь, чтобы сдать очень важный экзамен, после которого он мог бы стать министром. Проходя через одну горную деревеньку, он заболел. За ним ухаживал местный доктор, и когда юноша шел на поправку, он познакомился с его дочерью, они полюбили друг друга. Прямо перед его уходом эта девушка читает ему строчку из стихотворения. Парень отправляется в столицу, сдает экзамен, император очень впечатлен. И наверное, в качестве дальнейшей проверки произносит строку из стихотворения. Юноша, конечно, сразу же понимает, что эти загадочные слова – часть того же стихотворения, которое цитировала ему и та девушка, поэтому повторяет ее строчку. Вдвойне пораженный, император берет его на работу. Тогда парень возвращается обратно и женится на той девушке. Ну и, видимо, вот, двойное счастье. Он получил и работу, и жену. Видишь, китайцы просто помешаны на удаче.

Уиллем качает головой:

¹³ Ты очень привлекательный (кит.).

¹⁴ Я хочу тебя поцеловать (кит.).

– Я думаю, под двойным счастьем подразумевается то, что две половинки нашли друг друга. Как с тем стихотворением.

Я об этом никогда не думала, но, конечно же, так оно и есть.

– Ты помнишь эти строки?

Я киваю.

– Зеленые деревья стоят под весенним дождем так близко к небу, а небо над ними так мрачно. Красные цветы покрывают землю от края до края так, как будто вся земля окрашивается в красный цвет после поцелуя.

Последний отрезок канала проходит под землей. Сводчатый потолок настолько низкий, что я, вытянув руку, достаю до склизких кирпичей. Тут жутковато, хоть и тихо, но есть эхо. Даже шумные датчане притихли. Мы с Уиллемом сидим на борту свесив ноги и, когда достаем, пинаем стены.

Он тычет большим пальцем в мою щиколотку.

– Спасибо.

– За что?

– За то, что устроила это, – он показывает на лодку.

– Не за что. А тебе спасибо за все это, – я показываю пальцем вверх, туда, где, без сомнения, своей жизнью живет Париж.

– Обращаясь, если что, – Уиллем осматривается по сторонам. – Хорошо тут. На канале. – Потом смотрит на меня. – С тобой.

– Уверена, что ты это всем каналам говоришь, – тем не менее в темноте этих пахнущих плесенью стен я краснею.

Так мы сидим до самого конца поездки, болтаем ногами, колотя по борту. Иногда до нас доносятся обрывки смеха или музыки. Такое ощущение, что тут, внизу, город делится с нами секретами, которые можно доверить лишь тому, кто хочет слушать.

Восемь

Морской Арсенал – это как парковка для лодок, которые плотными рядами стоят по обе стороны бетонного причала. Уиллем помогает капитану Джеку поставить лодку в отведенное для нее узкое пространство, выскакивает и завязывает веревку сложным узлом. Потом мы прощаемся с датчанами, которые к этому моменту уже изрядно пьяны, я записываю номер Агнетты, обещая отправить ей фотографии, как только будет возможно.

Капитан Джек пожимает нам руки на прощание.

– Мне немного стыдно, что взял твои деньги, – говорит он.

– Нет. Не стоит, – я вспоминаю выражение лица Уиллема, о том, как мы плыли по туннелю. Одно это стоило ста баксов.

– Мы их скоро у тебя отберем! – кричит Густав.

Жак пожимает плечами. Он целует мне руку, а потом помогает выбраться на сушу, а Уиллема чуть не обнимает.

Когда мы отходим, Уиллем похлопывает меня по плечу.

– Заметила, как называется лодка?

Нет. Хотя имя выгравировано синими буквами прямо на корме рядом с красной, белой и синей полосами французского флага. Виола. Довиль.

– Виола? В честь героини Шекспира?

– Нет. Жак хотел назвать ее «Вуалья», а его кузен написал с ошибкой, но ему понравилось, и он зарегистрировал такое имя.

– Та-а-а-к... как-то это странно, – говорю я.

Уиллем, как всегда, улыбается.

– Случайные совпадения? – у меня вдруг по спине побежали мурашки.

Уиллем почти что торжественно кивает.

– Совпадения, – подтверждает он.

– Но что это значит? Что нам было суждено сесть на *эту* лодку? И если бы мы этого не сделали, было бы хуже или лучше? Эта поездка как-то *изменит* наши жизни? И неужели она действительно подчинена таким случайностям?

Уиллем лишь пожимает плечами.

– Или это значит, что кузен Жака – неграмотный? – продолжаю я.

Он снова смеется. Звук его смеха такой же четкий и звучный, как колокольный звон, он наполняет меня радостью, и словно впервые в жизни я осознаю, что в этом и заключается задача смеха – возвещать о счастье.

– Никогда раньше времени не узнаешь, – говорит он.

– Очень информативно.

Смеясь, он окидывает меня долгим взглядом.

– Знаешь, я думаю, что, может, у тебя все же есть талант к путешествиям.

– Серьезно? Я думаю, нет. Сегодня какой-то неестественный день. Во время этого тура мне было ужасно. Поверь мне, я ни одной лодки не остановила. Даже такси. Да даже велосипеда.

– А раньше?

– Я не особо много путешествовала. А когда все же доводилось, это были такие поездки, в которых... не было места случайностям.

Уиллем вопросительно вскидывает бровь.

– Я побывала кое-где. Во Флориде – каталась на лыжах. А еще в Мексике. Но на самом деле это была не такая экзотика, как может показаться. Мы каждый год ездим на один и тот же курорт на юге Канкуна. Он построен в виде огромного храма майя, но единственное, благодаря чему можно заподозрить, что ты не в Америке, – это группа мариачи, поющая рождественские песни возле водных горок на искусственной речке. Мы всегда останавливаемся в одном и том же номере. Ходим на тот же самый пляж. Едим в одних и тех же ресторанах. Мы даже за ворота курортного комплекса почти не выходим, а если выходим, то всегда только на одну и ту же экскурсию на развалины. Меняется только год на календаре, а остальное все одинаково.

– Одинаковое, да другое, – говорит Уиллем.

– Скорее одинаковое-одинаковое.

– Когда поедешь в Канкун в следующий раз, можешь сбежать в настоящую Мексику, – предлагает он. – Испытаешь судьбу. И посмотришь, что будет.

– Может быть, – говорю я, воображая себе мамину реакцию, если я отважусь попроситься в короткое путешествие без надзора.

– Может, и я когда-нибудь отправлюсь в Мексику, – продолжает Уиллем. – Наткнушь там на тебя, и мы сбежим в лоно дикой природы.

– Думаешь, это произойдет? Мы просто так наткнемся друг на друга?

Уиллем вскидывает руки.

– Это будет очередная случайность. Серьезная.

– Значит, ты хочешь сказать, что я – случайность?

Его улыбка растягивается, как ириска.

– Однозначно.

Я провожу носком по асфальту. Вспоминаю свой пакетик с застёжкой. На холодильнике разноцветные графики моей жизни, которые регулярно обновляются, наверное, лет с восьми. Аккуратно сложенные пачки документов, которые я подала в колледж. Все так упо-

рядочено. Все распланировано. Я смотрю на Уиллема, который являет собой полную противоположность этому, всей моей жизни, которая сегодня тоже противоположна сама себе.

– Знаешь, наверное, это самое лестное, что мне когда-либо говорили, – я задумываюсь. – Хотя я не уверена, что именно это обо мне говорит.

– Это говорит, что тебе недостаточно льстили.

Я киваю и делаю взмах рукой, словно приглашая его.

Уиллем останавливается и смотрит, как будто сканируя меня глазами. У меня возникает такое же чувство, как некоторое время назад, в поезде – что он меня оценивает, но в этот раз не на предмет внешности, чтобы продать на черном рынке, а как-то глубже.

– Я не буду повторять, что ты симпатичная, потому что это тебе уже сказал тот пес. И не буду говорить, что с тобой весело, потому что с самых первых мгновений нашей встречи я все время смеюсь.

Эван часто говорил о том, насколько мы с ним «совпадаем», словно быть такой же, как он, – это наивысшая похвала. Симпатичная, и со мной весело – Уиллем мог бы уже и остановиться, так как и этого мне было достаточно.

Но он не останавливается:

– Я полагаю, что ты из тех людей, кто, найдя на улице банкноту, начнет размахивать ею в воздухе и искать потерявшего. Думаю, что ты плачешь над фильмами, даже если они не особо грустные, потому что у тебя мягкое сердце, хотя ты этого не показываешь. Думаю, что иногда ты отваживаешься сделать то, что тебя пугает, и это делает тебя смелее тех, кто прыгает на веревке с моста ради прилива адреналина.

Тут он останавливается. Я открываю рот, чтобы ответить, но не нахожу слов, да и в горле встал ком, и на миг меня вдруг охватывает страх, что я сейчас расплачусь.

Ведь я рассчитывала на пустячные, ничего не значащие, но броские комплименты: «У тебя милая улыбка. Красивые ноги. Ты сексуальна».

Но то, что он сказал... Я действительно однажды отдала охраннику торгового центра найденные сорок долларов. Я плакала над каждым фильмом о Борне. Но насчет последнего – не знаю, правда ли это. Но очень сильно надеюсь, что да.

– Надо идти, – говорю я, откашливаясь. – Если не хотим в Лувр опоздать. Отсюда далеко?

– Несколько километров. На велике было бы быстро.

– Что, остановить кого-нибудь? – шучу я.

– Нет, возьмем напрокат «Велиб», – Уиллем оглядывается по сторонам и подходит к стоянке с серыми велосипедами. – Ты когда-нибудь слышала о «Белом велосипеде»?

Я качаю головой, и Уиллем рассказывает, что в шестидесятых в Амстердаме какое-то время были белые велосипеды – они стояли всюду, и их можно было брать просто так. Захотел – сел, приехал, куда надо, и там оставил. Но из этой затеи ничего не вышло, потому что велосипедов было недостаточно, и их разворовали.

– А тут, в Париже, можно задаром взять велосипед на полчаса, но его обязательно надо вернуть, иначе с тебя возьмут деньги.

– О, я только недавно прочитала, что и у нас появилась подобная программа. Значит, это бесплатно?

– Нужна кредитка, чтобы сделать депозит.

У меня карточки нет – ну, только та, с родительским счетом. У Уиллема есть, но он не уверен, что на ней достаточно денег. Он прокатывает свою карту в терминале, замок на одном из велосипедов открывается, но при второй попытке карту отклоняют. Не сказать, чтобы меня это разочаровало. Ездить на велике по Парижу, особенно без шлема, кажется мне несколько самоубийственной затеей.

Но Уиллем свой велосипед на место не поставил. Он подводит его ко мне и поднимает сиденье. Потом смотрит на меня. И похлопывает по седлу.

– Погоди, ты что, хочешь, чтобы я ехала?

Он кивает.

– А ты что? Рядом побежишь?

– Нет. Ты будешь наездницей, – он вскидывает брови, я краснею. – На велике, – поясняет он.

Я забираюсь на широкое сиденье, Уиллем залезает вперед.

– Куда именно ты меня повезешь? – спрашиваю я.

– Об этом не беспокойся. Главное, устраивайся поудобнее, – говорит он так, будто это в данной ситуации возможно: его спина оказывается всего в нескольких сантиметрах перед моим лицом, я даже чувствую его жар и запах новой футболки, смешивающийся с легким мускусным запахом его пота. Уиллем ставит ногу на педаль и оборачивается ко мне с озорной улыбкой на лице. – Если увидишь полицейских, предупреди. Это не совсем законно.

– Погоди, что незаконно?

Но он уже оттолкнулся от асфальта. Я закрываю глаза. Это просто безумие. Мы погибнем. А потом меня еще и родители убьют.

Мы проехали несколько перекрестков, мы еще живы. Я приоткрываю один глаз. Уиллем нагнулся поближе к рулю, он без труда стоит на педалях, а я, наоборот, отклонилась назад, и ноги болтаются возле заднего колеса. Открыв и второй глаз, я разжимаю свои влажные пальцы, вцепившиеся в край его футболки. Порт остался далеко позади, мы едем по дорожке для велосипедистов, где много и других серых великов.

Потом мы поворачиваем на улицу с ограниченным движением: там идет стройка, так что половина дороги перегорожена лесами и блоками, я вижу граффити – SOS, как на майке с логотипом этой группы – «Су у сюр». Я хотела показать на него Уиллему, но, повернувшись в другую сторону, вижу Сену. И вот он, Париж. Как на открытках! Город из «Французского поцелуя», «Полночи в Париже», «Шарады» и других фильмов про Париж, которые я видела. Я не отрываю взгляда от Сены, по воде на ветру идет рябь и прыгают блики вечернего солнца. Глядя вдаль, я вижу арочные мосты, они напоминают дорогие браслеты на изящном запястье. Уиллем указывает на собор Парижской Богоматери, который как ни в чем не бывало возвышается на острове посреди реки. Как будто, блин, это что-то повседневное, а не Нотр-Дам! Потом мы проезжаем еще одно здание, похожее на свадебный торт, в таком могла бы жить королевская семья. Но нет, это просто городская ратуша.

Забавно, но во время нашего турне мы часто проезжали мимо подобных достопримечательностей на автобусе, перед нами стояла мисс Фоули с микрофоном и рассказывала различные факты о таком-то соборе или оперном театре. Иногда мы останавливались и заходили вовнутрь, но, поскольку на каждый город у нас отводилось один-два дня, чаще мы проносились мимо.

И сейчас мы тоже едем мимо. Но ощущения почему-то другие. Кажется, что тут, на улице, на сиденье велосипеда, когда ветер треплет мои волосы, в ушах звенит шум улицы, а велик под задницей дребезжит по многовековой мостовой, я ничего не упускаю. Наоборот – я вдыхаю Париж, впитываю его, сама становлюсь его частью.

Я не совсем знаю, как объяснить эту перемену, да и другие изменения, произошедшие за день. Это все Париж? Или Лулу? Или Уиллем? Может, из-за его присутствия этот город так меня опьянил, или именно в Париже его присутствие становится таким неодолимо манящим?

Вдруг мои мечты прерываются громким свистком, велосипед резко останавливается.

– Поездка окончена, – сообщает Уиллем. Я спрыгиваю, и он катит велик дальше по улице.

За нами несется полицейский с тоненькими усиками и суровым лицом. Он начинает орать на Уиллема, размахивая руками, а мне грозит пальцем. Лицо его становится ярко-красным, когда он достает книжечку и показывает на нас, я начинаю нервничать. Я-то думала, что Уиллем пошутил насчет того, что это противозаконно.

Вдруг Уиллем говорит ему что-то, что резко обрывает его тираду.

Потом коп начинает что-то ворчать, я, конечно, ни слова не понимаю, но мне кажется, что он произносит имя Шекспира, вскидывая палец. Уиллем кивает, и тон полицейского смягчается. Он все еще грозит нам пальцем, но убирает книжечку. Подняв руку к козырьку своей нелепой кепочки, он уходит.

– Ты что, цитировал ему Шекспира? – спрашиваю я.

Уиллем кивает.

Я даже не знаю, что безумнее: что Уиллем это сделал, или что здешний коп знает Шекспира.

– И что именно ты сказал?

– *La beauté est une enchanteresse, et la bonne foi qui s'expose à ses charmes se dissout en sang*¹⁵, – отвечает он. – Это из «Много шума из ничего».

– И что это означает?

Уиллем смотрит на меня по-своему хитро и, облизнув губы, улыбается.

– Придется тебе в словаре поискать.

Мы идем вдоль реки и через некоторое время попадаем на широкую улицу с многочисленными ресторанами, галереями и дорогими бутиками. Уиллем ставит велосипед на стойку, и мы отправляемся пешком по длинной крытой галерее, а через несколько поворотов выходим к зданию, которое я поначалу принимаю за президентскую резиденцию или королевский дворец, Версаль или как его там – такое оно огромное и величественное. Но потом, заметив в центре двора стеклянную пирамиду, я понимаю, что это Лувр.

И там толпа. Из здания выходят тысячи человек, как будто их эвакуируют. В руках у них свернутые в трубочки репродукции и черно-белые сумки с сувенирами. Кто-то с энтузиазмом болтает, но большая часть выходящих похожи на контуженных, у них такие уставшие и стеклянные взгляды после того, как они целый день гигантскими порциями поглощали культуру. Этот взгляд мне знаком. В брошюре с рекламой «Молодежных туров» громко заявлялось, что «мы предлагаем молодежи опыт полного погружения в жизнь европейцев! За время небольшой поездки ваш подросток ознакомится с культурой максимального числа европейских стран и расширит свои познания о языке, искусстве, наследии и кухне каждой из них». Планировалось, что эта поездка нас просветит, но она скорее утомила.

Так что, когда мы поняли, что Лувр только что закрылся, я, честно говоря, испытала облегчение.

– Мне так жаль, – говорит Уиллем.

– А мне нет. – Не знаю, можно ли это считать за счастливую случайность, но я все равно счастлива.

Мы разворачиваемся на сто восемьдесят градусов и переходим через мост на другой берег. На набережной стоят многочисленные торговцы с книгами и старыми журналами, перед ними разложены древние выпуски «Пари Матч» с Джеки Кеннеди на обложке, старые бульварные романы в бумажном переплете с кричащими обложками и двуязычными названиями – на французском и английском. Кто-то продает всякие безделицы, старые вазы, украшения для платья, а в коробочке сбоку – коллекция старых пыльных будильников. Я откапываю винтажный бакелитовый ЭсЭмАй. «Двадцать евро», – сообщает дама в платке.

¹⁵ «Посредникам не верь: растает верность в крови от чар колдуньи-красоты», пер. Т. Щепкиной-Куперник.

Я стараюсь сохранять бесстрастное лицо. Двадцать евро – это примерно тридцать баксов. А цена этих часов легко может доходить до двухсот долларов.

– Хочешь? – спрашивает Уиллем.

Мама сойдет с ума, если я притащу домой будильник, к тому же ей никак нельзя знать, откуда он. Женщина заводит часы, чтобы показать, как они работают, и, услышав их тиканье, я вспоминаю слова Жака о том, что время жидкое. Я смотрю на Сену, которая под вечер начала светиться розовым светом – это отражаются набежавшие облака. Я кладу будильник обратно в коробку.

С набережной мы сворачиваем в лабиринт узких извивающихся улочек, Уиллем говорит, что это Латинский квартал, где живут студенты. Тут все по-другому. Вместо широких авеню и бульваров – узкие переулки, по которым едва могут проехать даже крошечные ультрамодные «Смарты» на двоих – они здесь повсюду. Крошечные церквушки, потаенные уголки и улочки. Совершенно другой Париж. Но такой же сногсшибательный.

– Выпьем чего-нибудь? – предлагает Уиллем.

Я киваю.

Мы снова выходим на людный проспект со множеством кинотеатров и уличных кафе – все они забиты. Помимо этого там стоит несколько отельчиков, недорогих, судя по рекламе на выносных стойках. На некоторых я вижу надпись «*complet*»¹⁶ – я уверена, что это означает «мест нет», но не на всех. Мы даже можем позволить себе номер, если я обменяю свои последние деньги – около сорока фунтов стерлингов.

О наших планах на ночь я с Уиллемом еще не поговорила. В смысле, где мы остановимся. Он, кажется, об этом особо не беспокоится, и я боюсь, что наш резервный вариант – это Селин. Когда мы проходим мимо обменника, я говорю, что хочу поменять деньги.

– У меня еще есть, – говорит он. – Ты только что за лодку заплатила.

– Но у меня при себе ни одного евро. Что, если мне захочется, скажем, купить открытку? – Я останавливаюсь и принимаюсь крутить стойку с открытками. – К тому же сейчас мы чего-нибудь выпьем, потом будем ужинать, и надо будет где-то... – Я смолкаю, не осмеливаясь закончить предложение. – Остановиться на ночь. – Шея у меня начинает теплеть.

Кажется, весь мир остановился на тот миг, что я ждала ответа от Уиллема, хоть какого-то намека на его планы. Но он смотрит в сторону кафе, кажется, что девчонки за одним из столиком машут ему руками. Наконец он поворачивается ко мне:

– Извини, я прослушал.

А девчонки все машут. Одна из них явно подзывает Уиллема.

– Ты их знаешь?

Он снова поворачивается туда, потом ко мне, потом снова туда.

– Можешь подождать минутку?

У меня душа в пятки уходит.

– Конечно, без проблем.

Он оставляет меня возле магазина с сувенирами, я стою, кручу стойку с открытками и шпионю за ним. Когда Уиллем подходит к девчонкам, они прижимаются друг к другу щеками, изображая поцелуи – но три раза, а не два, как было с Селин. Он садится рядом с той, которая ему махала. Ясное дело, они знакомы; она все время кладет ему руку на коленку. Уиллем бросает взгляды в мою сторону, я жду, когда он и меня позовет, но этого не происходит, и после пяти бесконечных минут эта девчонка, которая его постоянно трогает, пишет что-то на бумажке и отдает ее Уиллему. Он засовывает ее поглубже в карман. Потом встает, они снова касаются друг друга щеками, и он большими шагами возвращается ко мне, а я

¹⁶ Свободных мест нет (фр.).

тем временем изображаю глубокую заинтересованность открыткой с репродукцией Тулуз-Лотрека¹⁷.

– Идем, – говорит он, хватая меня за локоть.

– Это твои друзья? – интересуюсь я. Мне приходится бежать, чтобы поспевать за его широкими шагами.

– Нет.

– Но ты же их знаешь.

– Когда-то знал.

– А теперь случайно на них наткнулся?

Уиллем резко поворачивается ко мне, и впервые за сегодня я вижу его в плохом настроении.

– Лулу, это Париж, тут туристов, как нигде в мире. Такое случается.

Случайности, думаю я. И ревную, как собственница, не только к той девчонке, чей номер телефона, полагаю, теперь лежит у него в кармане, если он еще не переписал его в свою черную книжку, но и к самой случайной встрече. Потому что до этого момента казалось, что все неожиданности происходят исключительно с нами двоими.

Уиллем смягчается:

– Я с ними в Голландии познакомился.

Но что-то изменилось в его поведении, он потускнел, как лампочка перед тем, как перегореть. Я обратила внимание, как обреченно и расстроено Уиллем произнес «в Голландии», и я поняла, что за весь день он ни разу не сказал, что собирается вернуться «домой». И тут меня как осеняет. Он ведь сегодня собирался домой – или в Голландию, где он родился, – после двухлетнего отсутствия.

Я возвращаюсь через три дня, и в аэропорту меня будет ждать целая толпа. Во дворе дома натянут транспарант с надписью «С возвращением», накроют праздничный стол, хотя я, наверное, после такого длительного перелета и поесть не смогу. После всего лишь трехнедельной поездки, в которой я напоминала себе скорее циркового пони, меня встретят как героя.

А Уиллема не было дома два года. Почему его не будут встречать как героя? Его вообще кто-нибудь ждет?

– Когда мы заходили к Селин на работу, – спрашиваю я, – ты кому-нибудь звонил?

Уиллем смотрит на меня – он смутился и сморщил лоб.

– Нет. А что?

– Кто-нибудь в курсе, что ты задерживаешься? Как они узнают, что встречу надо отложить до завтра? Тебя что, никто не ждет?

Уиллем меняется в лице, на краткий миг с него соскакивает маска веселости – до меня доходит, что это была именно маска, только сейчас, когда я вижу, насколько он устал, насколько не уверен, насколько под ней он похож на меня.

– Знаешь, что я думаю? – спрашивает он.

– Что?

– Нам надо бы заблудиться.

– Видишь ли, я сегодня весь день и так как будто заблудилась.

– Я про другое. Надо нарочно. Я так делаю, когда впервые оказываюсь в незнакомом городе. Я сажусь в метро или трамвай, выбираю остановку наугад и еду туда.

Понятно, что это за ход. Он пытается изменить ситуацию, сменить тему. Я догадываюсь, что в каком-то смысле Уиллему это необходимо. Так что я соглашаюсь.

– Это как игра «прикрепи ослику хвост» для путешественников? – спрашиваю я.

¹⁷ Анри де Тулуз-Лотрек – французский художник-постимпрессионист.

Уиллем ошеломленно смотрит на меня. Он очень хорошо говорит по-английски, и я забываю, что не все может быть ему понятно.

– Это тоже будет ради случайностей? – я видоизменяю вопрос.

Он смотрит на меня, и на долю секунды маска опять соскакивает. А потом раз – и вот она снова на месте. Но неважно. Она соскальзывала, и я видела, что под ней. И поняла. Уиллем одинок, как и я. И теперь у меня внутри что-то сжалось, не совсем даже понятно, у него или у меня.

– Все ради случайностей, – отвечает он.

Девять

Я выбираю случайную точку.

Как в игре про ослика, которому надо прилепить хвост, я встаю перед картой метро, закрываю глаза и кручусь, а потом тыкаю пальцем в станцию с приятным названием «Шато Руж» – «красный замок».

Выйдя на ней, мы опять оказываемся в совершенно другом Париже, и не видно никакого замка – ни красного, ни какого-либо другого.

Улицы тут узкие, как в Латинском квартале, но более пыльные. В магазинах играет металлическая музыка с грохотом ударных установок, отовсюду атакуют запахи, мой нос даже не понимает, с чего начать: с карри из забегаловок, острого запаха крови от мясных туш, которые катят по улице, сладкого экзотического аромата благовоний, выхлопных газов или вездесущего кофе, хотя крупных кафе, которые занимали бы целый угол, тут не так много, зато полно крошечных бистро – выставленных на улицу столиков. И они тоже забиты посетителями, которые курят и пьют кофе. В магазинах суетятся женщины, на некоторых из них черные вуали, скрывающие все лицо, – только глаза видны через прорези, другие в ярких платьях, у многих на спине слинги со спящими младенцами. Мы тут единственные туристы, и все смотрят на нас – без угрозы, просто с любопытством, как будто мы заблудились. Хотя так и есть. Вот именно поэтому я бы никогда одна этого делать не стала.

Но Уиллему тут нравится. Так что я пытаюсь последовать его примеру и расслабиться и просто созерцаю ту часть города, где встречаются Средний Восток и Африка.

Мы минуем мечеть, потом массивную церковь с многочисленными шпилями и контрфорсами – кажется, что она оказалась в этом районе так же случайно, как и мы. Мы кружим и кружим, пока не оказываемся в каком-то парке: это четырехугольный газон с дорожками и площадками для гандбола, втиснутый между многоквартирными домами. Там полно девчонок в косынках, которые играют в нечто наподобие классиков, мальчишек, людей с собаками, шахматистов, кто-то просто курит, отдыхая после летнего дня.

– Есть версии, почему мы тут оказались? – спрашиваю я у Уиллема.

– Я так же заблудился, как и ты.

– Тогда мы в *жопе*, – но мне смешно. Даже как-то нравится, что мы заблудились вместе.

Мы плюхаемся под деревья в тихом уголке парка, возле стены, на которой нарисованы играющие в облаках дети. Я снимаю сандалии. На ногах полосы загара и пыли, налипшей на вспотевшие ноги.

– Кажется, у меня ноги отваливаются.

Уиллем скидывает сланцы. Мой взгляд падает на зигзагообразный шрам, взбирающийся по левой ноге.

– У меня тоже.

Мы ложимся на спину и смотрим на небо: облака отбрасывают тень, их набежало действительно много, ветер стал холоднее и принес собой электрический запах дождя. Может, Жак был все же прав.

– Который час? – интересуется Уиллем.

Я закрываю глаза и протягиваю ему руку.

– Только мне не говори. Не желаю знать.

Он берет мою руку и смотрит на часы. Но не отпускает, а крутит запястье, рассматривая, словно это какая-то редкость, будто он раньше не видел запястий.

– Красивые часы, – наконец говорит он.

– Спасибо, – из вежливости отвечаю я.

– Тебе не нравятся?

– Нет. Дело не в этом. Ну, это подарок от родителей, чересчур роскошный, они мне и так эту поездку купили, а часы очень дорогие, – я смолкаю. Это же Уиллем, и что-то вынуждает меня сказать ему правду. – Но в общем да, на самом деле мне они не нравятся.

– Почему?

– Не знаю. Они тяжелые. Рука потеет. Еще они громко тикают, словно стараются напомнить мне о том, что время уходит. Получается, из-за них я никогда не могу о нем забыть.

– А почему же тогда носишь?

Вопрос такой простой. Почему я ношу часы, которые меня бесят? Даже тут, за тысячи километров от дома, где никто не видит, – почему? Потому что родители купили их из лучших побуждений. И потому что я не должна их разочаровывать.

Я снова чувствую мягкое прикосновение пальцев Уиллема к своему запястью. Застежка открывается, и часы соскакивают, оставляя на руке светлый след. Я чувствую, как свежий ветер щекочет родимое пятно.

Уиллем рассматривает часы, выгравированную на них надпись.

– И куда именно ты едешь?

– Ой. Ну, в Европу. Потом в колледж. Медицинский.

– Медицинский? – Я слышу, что он удивлен.

Я киваю. Это было запланировано с самого восьмого класса, когда я спасла какого-то парнишку, который сидел за соседним столиком в ресторане и поперхнулся ягнатиной. Папе позвонили, и он вышел, и вдруг я вижу, что мальчишка посинел. Я встала и спокойно обхватила его руками в районе диафрагмы и принялась надавливать, пока у него изо рта не вылетел кусок мяса. Мама была под огромным впечатлением. Начала говорить о том, что я должна стать врачом, как папа. Через какое-то время я и сама стала так думать.

– Значит, ты сможешь обо мне позаботиться?

В голосе звучит уже привычная дразнящая нотка, я понимаю, что он шутит, но меня накрывает волна. Кто заботится о нем сейчас? Я смотрю на Уиллема, с которым все кажется таким простым, но я помню испытанное ранее ощущение, даже уверенность, что он одинок.

– А кто о тебе заботится сейчас?

Поначалу я даже не совсем уверена, действительно ли я сказала это вслух, а если да, то услышал ли он, потому что очень долгое время нет ответа. Но потом Уиллем наконец говорит:

– Я сам о себе забочусь.

– А когда не можешь? Когда болеешь?

– Я не болею.

– Все болеют. Когда ты куда-нибудь едешь и вдруг заболеваешь гриппом или чем еще?

– Заболеваю. Потом выздоравливаю, – говорит он, отмахиваясь от вопроса.

Я приподнимаюсь на локте. У меня в груди словно разверзлась непонятная бездна чувств, становится трудно дышать, и слова дрожат, как листья, сорванные с дерева ветром.

– Мне вспоминается эта легенда о двойном счастье. Тот парень путешествовал один и заболел, но о нем позаботились. С тобой так же бывает, когда ты болеешь? Или ты лежишь

один в каком-нибудь ужасном отеле? – Я пытаюсь вообразить себе Уиллема в горной деревеньке, а получается лишь в мрачном номере гостиницы. Я вспоминаю, как сама чувствую себя, когда заболеваю, – на меня нападает такая глубокая тоска и одиночество, хотя за мной ухаживает мама. А за ним? Кто-нибудь варит ему бульон? Рассказывает о зеленых деревьях, стоящих близко к небу под весенним дождем?

Уиллем не отвечает. Издалека слышится удар мяча о стену, кокетливый женский смех. Я вспоминаю Селин. Девчонок в поезде. Моделей в кафе. Клочок бумаги у него в кармане. Наверное, многие охотно поиграли бы с ним в медсестру. У меня в животе зарождается какое-то странное ощущение. Я повернула не туда, как когда едешь на лыжах и случайно вырливаешься на участок, где полно камней.

– Прости, – говорю я. – Наверное, во мне просто врач проснулся. Или еврейская мамочка.

Уиллем странно на меня смотрит. Я все забываю, что я в Европе, где евреев, наверное, нет, так что и шутка эта не имеет смысла.

– Я еврейка, и, вероятно, когда стану старше, непременно буду чрезмерно волноваться из-за здоровья окружающих, – поспешно объясняю я. – Таких женщин называют еврейскими мамочками.

Уиллем снова ложится на спину и подносит к лицу мои часы.

– Странно, что тебе вспомнилась эта легенда о двойном счастье. Мне иногда действительно бывает плохо, и я бую в общественных туалетах. Ничего красивого тут нет.

Я морщусь.

– Но был один случай, когда я ехал из Марокко в Алжир на автобусе и подхватил ужасную дизентерию. Все было так плохо, что мне пришлось выйти бог знает где, в каком-то городке на краю Сахары, его названия даже ни в одной книге нет. У меня началось обезвоживание, кажется, даже глюки. Я искал, где остановиться, и увидел отель с рестораном под названием «Саба». А я так звал своего дедушку. Я воспринял это как знак, мне показалось, что это означает «Тебе туда». В ресторане никого не было. Я пошел напрямик в туалет и снова проблевался. Когда я вышел, увидел мужчину с короткой седой бородкой в длинной джеллабе. Я попросил чая с имбирем – мне его всегда мама давала от расстройства желудка. Покачивав головой, он сказал, что раз я нахожусь в пустыне, то и лечиться должен местными средствами. Он удалился на кухню и принес оттуда запеченный лимон, разрезанный на две половины. Посыпав его солью, он велел мне выдавить сок себе в рот. Я думал, что мне опять станет плохо, но через двадцать минут живот прошел. После чего хозяин напоил меня каким-то ужасным отваром, по вкусу похожим на кору, и отправил в комнату наверх, где я проспал часов восемнадцать. Каждый день, когда я спускался, он спрашивал, как я себя чувствую, и, исходя из моих симптомов, готовил мне еду. А потом мы говорили точно так же, как в детстве я разговаривал с дедушкой. Я прожил там неделю, в этом городке, хотя даже не уверен, что он есть на карте. Так что во многом это похоже на твою легенду.

– Только вот у него дочери не было, – говорю я. – Иначе ты сейчас уже был бы женат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.